

ПУТЬ ВОИНА-ИНТЕЛЛЕКТУАЛА

И. ГЛЕМБА А. ПРОХОРЕНКО

СВОБОДНОРОЖДЕННЫЕ ИЛИ УТВЕРЖДАЮЩИЕ СИЛУ

Путь воина интеллектуала

Андрей Прохоренко

**Свободнорожденные
или утверждающие силу**

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Прохоренко А.

Свободнорожденные или утверждающие силу / А. Прохоренко —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Путь воина
интеллектуала)

ISBN 978-1-38-778525-4

Атлантида за 600 лет до завершения своего существования. Отойдя от дел управления государством Эльклея, от воспитания и обучения подрастающего поколения, элт (свободнорожденный) Эдвин Таард пишет записки потомкам обо всем, что произошло с жителями Земли, населявшими планету, до глобальной катастрофы, завершившей около тринадцати тысяч трехсот лет тому назад существование Атлантиды. О наставниках и учителях, о взаимоотношениях между элтами, о становлении сильной личности, о первой трагически закончившейся любви и о многом другом, что позволит по-иному посмотреть на себя, свое проживание и причину происходящего с нами всеми, ныне живущими на Земле, приключенческий роман «Свободнорожденные или утверждающие силу» из серии «Путь воина-интеллектуала».

ISBN 978-1-38-778525-4

© Прохоренко А.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Предисловие	5
Часть I	7
Глава I	7
Глава 2	13
Глава 3	23
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	39

И. Л. Глемба, А. Г. Прохоренко

Свободнорожденные или утверждающие силу

Предисловие

Авторы представляют читателям доработанную и уточненную электронную версию книги «Свободнорожденные или утверждающие силу», изданную в 2012 году. Основой для написания этой книги, а также всех последующих книг серии, послужили записки свободнорожденного Эдвина Таарда, живущего в конце прошлого цикла в период с шестьсот девятого по четыреста седьмой год до глобального катаклизма на Земле, именуемого в наше время Всемирным Потопом. Катаклизм начался около тринадцати тысяч трехсот лет тому назад и длился с перерывами примерно четыре столетия.

Книга повествует о событиях давно минувших дней, когда еще не было человечества, громко именующего себя гомо сапиенс, а лишь создавались предпосылки и условия для того, чтобы оно появилось и продолжило существование уже в следующем цикле. Речь пойдет о временах, когда Атлантида, бывшая гигантской империей, распалась, а население государств, образовавшихся на ее базе, в постоянной вражде и войнах, в противостоянии друг другу разлагалось и деградировало, делая все для того, чтобы глобальная катастрофа стала неизбежной.

Элты – лучшие представители прошлой цивилизации, в битвах и войнах смогли выстоять и сделать все, чтобы жизнь на Земле после неминуемого катаклизма продолжилась. Эдвин достаточно подробно рассказывает о том, чем и как жили элты, в каких условиях, чему и как учились, что отстаивали и ценили, как относились друг к другу. Хотя культуры и этносы, образовавшиеся после глобального катаклизма, явились продолжением представителей предыдущей цивилизации и созданы на их базе, мы, живущие ныне, во многом отличаемся от своих предшественников, прежде всего, мировоззрением.

Все высказывания перед началом глав принадлежат мыслителям и учителям того времени, чьи имена и творчество не дошли до нас. К тексту прилагается иллюстративный материал, дающий определенное представление о свободнорожденных и их жизни. Приведенные в книге карты в первом приближении ознакомят читателя с территориями, которые занимала Атлантида приблизительно тринадцать тысяч восемьсот лет тому назад, а также с землями свободнорожденных.

Возможно, книга послужит толчком и основанием для нахождения читателем самостоятельных ответов на ряд вопросов, которые затрагивает и освещает она, и на то, почему в нашем времени положение дел на планете складывается именно таким образом.

Поскольку все происходящее во времени имеет циклический характер и является в настоящем отголоском прошлого и событий, произошедших в нем, то повторение того, что происходило в прошлом, в том или ином виде в нашем времени – неизбежно. Так это или нет – убеждаться читателю.

Перед началом повествования дадим определение такого термина, как цикл существования высокоразвитых прямоходящих существ в условиях Земли, одним из которых является человечество. Цикл – это пространственно-временная протяженность, в среднем составляющая от двенадцати до пятнадцати тысяч лет. Как правило, эта протяженность совпадает со временем существования той или иной цивилизации от момента ее образования до гибели. Между концом предыдущего цикла и началом последующего следует промежуток примерно в триста – четыреста лет. В это время планета «отдыхает» после глобального катаклизма.

«Отдых» Земли сопровождается процессами, следствием которых являются изменения ее лика, климата, условий для жизни на ней, животного и растительного мира. Меняется течение времени, энергетичность планеты, наличие в ней и вокруг нее тех или иных энергий, приобретают иные характеристики гравитационные, гравитонные, магнитные поля, а также становятся другими условия, определяющие существование самой Земли и всего, что на ней будет рождено для жизни. По завершению этих процессов начинается следующий, новый цикл существования всего живого на планете. Все происходит с начала: от зарождения до упадка следующей цивилизации.

Человечество, от момента его создания до сегодняшнего дня, уже преодолело рубеж двенадцати тысяч восьмисот лет. Цикл его «развития» подходит к логическому завершению. Чем и как он завершится и через какое время, зависит от нас всех вместе и каждого в отдельности. Мы ответим на этот вопрос так: проявляя свою волю к тому, чтобы становиться сильными и волевыми людьми во всех своих проявлениях, опираясь на самих себя, так, как жили наши предшественники – элты.

Вместе с тем нужно учитывать, что элты жили в других условиях. Их дух был несравнимо более сильным и здоровым. В наше же время дух находится в коме или прекратил свое существование. Поэтому изменить положение дел на Земле могут только сознательные действия каждого из нас, а как – мы сказали выше.

Вернемся в конец прошлого цикла, в то время, когда перед элтами с особой остротой встает вопрос: что делать дальше и к чему готовиться? В войне, длившейся с небольшими промежутками мирного времени уже около двух с половиной тысяч лет, наступил очередной двадцатипятилетний перерыв в активных боевых действиях. Стороны получили небольшую передышку, которую каждая из них использовала по своему разумению. Свободнорожденные отдыхали, восстанавливались и готовились отстоять свою свободу и право на жизнь. Их противники в это время изыскивали все новые возможности для уничтожения своих врагов и установления власти над ними.

Часть I

Начало пути

Глава I

Послание

Приходит время – и каждый из нас открывает дверь в непознанное, если перед этим он внутри себя, в глубине своей души, ставил перед собой вопрос: кто он и что он делает на Земле?

Рано или поздно он получит ответы на свои вопросы и останется с ними наедине.

Осмывая и обдумывая полученное, каждый из нас сам и самостоятельно проясняет для себя картину своего существования на Земле и тот путь, который проделал его дух, облаченный в плоть, как в этой, так и в своих прошлых жизнях, приоткрывая тайну существования и бытия.

Что может быть ценнее такого знания?

Зиагаард. Мудрость элтов

Пройдут года, весну многократно сменит лето, а после осени и зимы снова придет весна. На Земле поменяется многое. Там, где некогда были моря и океаны, взойдет земная твердь, а горы и равнины уйдут под воду. Солнце все так же будет освещать лик Земли, а Земля продолжит свое шествие вокруг светила, несмотря на все то, что за это время произойдет на ней.

Все земли элтов и моя родина, Верхняя Эльклея, окажутся под толщей морской воды. Прекратит свое существование все то, что было так дорого мне – Эдвину Таарду, свободнорожденному, пишущему эти строки. Конец нашей цивилизации неизбежен. Неточно определен лишь срок до начала катаклизма, который все сотрет и сметет с лица Земли и до неузнаваемости изменит ее лик. Грядущие события побуждают меня на склоне лет взяться за написание записок, которые смогут пролить свет на спрятанное и сокрытое, на дошедшее до потомков в извращенном виде.

Я был свидетелем и участником ряда судьбоносных событий, определявших и определивших всю последующую историю человечества. Моя жизнь наглядно свидетельствует обо всем, что будет происходить и произойдет в будущем. Спустя почти тринадцать тысяч шестьсот лет люди найдут и прочитают мои записки на специальных дисках. Ознакомление с их содержанием даст потомкам возможность узнать правду о себе и о том, кто они такие и откуда пошли. Так по моим расчетам должно произойти не ранее и не позже.

Все, что записано на дисках, произошло на Земле со мной, со всеми нами, представителями одной из самых могущественных цивилизаций, в промежутке от тринадцати тысяч девятьсот до тринадцати тысяч трехсот лет до того времени, как первые люди прочитают изложенное на них. Когда это произойдет, моя задача будет выполнена. Потомки узнают о свободнорожденных, живших на Земле до людей и своим трудом создававших условия для существования потомков. Благодаря заботе элтов представители человечества продолжат проживание в цепи последовательно идущих одна за другой цивилизаций высокоразвитых прямоходящих существ.

Я оставляю записки на дисках в надежде на то, что потомки, узнав, что происходило на самом деле, смогут не допустить ошибок, которые совершили элты, не пойдут путем своего уничтожения и самоуничтожения. По моему видению эти записки помогут людям составить

более точное представление о том, что произошло в цикле существования элтов, и сделать соответствующие выводы.

Проживая в прошлом, я часто смотрел в будущее человечества и видел, что произойдет с потомками и на Земле. Картина, открывавшаяся моему взору, не добавляла мне радости и уверенности в завтрашнем дне.

Потомки придут к тому же, что и элты, но в еще более худшем варианте. Но всегда остается шанс изменить ситуацию к лучшему, даже тогда, когда ты уже стоишь на грани, за которой следует провал в бездну.

Ко времени, когда мои записки будут прочитаны, люди забудут, кем были многие из них ранее, придумают себе богов, которых никогда не было и которые по роду и виду энергии, их образующей, не могут быть таковыми. Все большее число жителей Земли будет поклоняться «богам» вместо того, чтобы опираться на себя и дух, воплощением которого они есть. Дух является на самом деле источником жизни на Земле и не только на ней. Большинство людей забудут, что все в жизни зависит только от них и их сознательных действий и усилий, что кроме них самих, никто не придет им на помощь, и не будет спасать.

Усугубит положение человечества еще и то, что люди будут выкачивать кровь Земли (нефть), используя ее для своих нужд, разрабатывать земные недра и запасы, накопленные в них, забирая у Земли все без остатка и оставляя лишь глубокие раны на ней и в ней. Такая деятельность истощит планету, ведь Земля, как и люди, – живое существо и ее терпение не бесконечно...

Люди будут считать себя разумными, но при этом всерьез полагать, что произошли от человекообразной обезьяны или созданы богом. Пребывая в неведении, люди будут считать себя единственными высокоразвитыми прямоходящими существами, жившими на Земле, и найдут этому массу «убедительных» доказательств, создав в своем сознании реальности, которых никогда не было. Более того, потомки будут жить этими иллюзиями, сделав их реальностью для себя и других, проживая в незнании того, кто они и для чего явились в этот мир. Да, возможно, так жить легче, не зная того, что было на самом деле.

Я формирую записки, когда солнце моей жизни клонится к закату. Мне осталось до ухода несколько эйнов (лет). Я знаю, как и когда я уйду, но смерть меня не страшит. За оставшееся время мне надо еще очень многое успеть сделать.

Жизнь моя, как страницы книги: просматривая их, я делаю для себя выводы и вижу, как можно было бы поступить по-другому, не получая тех проблем и последствий своих поступков, которые я имею сейчас. Как бы то ни было, я удовлетворен жизнью. За неполные двести лет я прошел путь от ученика до командующего всеми силами свободнорожденных. Десять лет я занимал пост импра Эльклеи. Будучи правителем, я определял закон и порядок в Эльклее, поддерживая его таким, каким он был передан элтам отцами и дедами, а им – нашими далекими предками, пришедшими на Землю со звезд Большой Медведицы миллионы лет назад.

Потомки, изучая себя, свою историю, свой род, раскапывая могилы предков, строения, в которых они жили, находя в них утварь и предметы обихода, будут в неведении того, что такая их деятельность не только наносит вред им, но и тем временам и пространствам, к которым принадлежат остатки предметов и артефакты. Вместо того чтобы хранить и беречь свое прошлое, люди, получая доступ в него, разоряют его, себя, целые народы и культуры, ослабляясь при этом в своем нынешнем существовании, не осознавая, что прошлое является основанием для их настоящего и будущего. Ослабление потомков – следствие неправильного отношения к прошлому и незнания, воцарившегося в вашем времени. Незнания той непреложной истины, что дух ваш воплощался в этих народах, проходя свой путь во времени из прошлого в будущее и дошел до нынешнего дня.

Зная и видя складывающееся положение дел в будущем, элты ничего не оставили потомкам и тщательно следили за тем, чтобы артефакты из нашей цивилизации, этносов в нее вхо-

дящих, не перешли к людям. Гоняясь за остатками материальных культур предков, считая их примитивными людьми, отставшими во всем от потомков, вы не видите того, что их духовная культура и имевшиеся остатки знаний превосходят то, что есть у вас сейчас. Примечательно то, что знания предков являются более правильными, чем те, которыми владеют потомки в конце цикла существования человечества. Прошлое человечества и люди в нем были духовно богаче и развитее по сравнению с людьми, которыми стали, спустя столетия и тысячелетия.

Исследуя культуры прошлого на основе дошедших до их времени останков, люди, как я вижу, будут отвергать культуру духовную, забывая о том, что она первична, а материальная культура является лишь ее продолжением и воплощением в самой плотной энергии, называемой в вашем мире материей. Без духа и творческой энергии, заложенной в нем, нет материи. Без духа, тонких тел и оболочек физическое тело не может существовать на Земле, равно как не может существовать ни Земля, ни животный, ни растительный миры, ни мир камня. Все природное разнообразие – есть продолжение духа и энергий, заложенных в нем, их действия и присутствия. Все мы, Земля и природа на ней неразрывны и составляем одно целое. Как и неразрывно также настоящее, прошедшее и будущее, и из одного проистекает другое. Изменяя свое прошлое, вы в настоящем меняете свое будущее. Время и пространство тоже одно единое целое, и каждый из нас, одновременно, живет в разных временах, в разных народах и пространствах на Земле.

Пока существует дух, основа бесчисленного количества воплощений на Земле, существуете вы и все ваши предыдущие воплощения. Если разложится или уничтожится ваш дух в любом из его воплощений, тогда прекратит свое существование вся вертикаль ваших воплощений во всех временах на Земле и за ее пределами. Ваше физическое тело, при этом, может доходить по Земле до означенного срока, пока не придет смерть и последующее его разложение. Вы же при этом уже прекратили свое существование.

Исследование же своей истории и прошлого, так как оно происходит в вашем мире, не ответит потомкам на основные вопросы и не прольет свет на духовную культуру и духовность, существовавшие ранее, поскольку отсутствуют должные инструменты и знания для этого. В угоду той или иной идее для формирования концепции исторического развития под заказ тем или иным силам, события вырываются из общего контекста или трактуются, так, как нужно заказчикам. Подобным образом сознательно формируются заинтересованными лицами «неопровержимые доказательства» чего-либо, чтобы люди оставались в неведении того, что было на самом деле, почему это происходило и к чему оно привело в вашем времени.

Подобными фальсификациями в недалеком прошлом человечества занимались многие. Целые бригады по указке отдельных лиц формировали «доказательства» и уничтожали все, что, по их мнению, может навести потомков на определенные размышления. Поэтому из истории человечества вычеркнуты целые эпохи и страницы, а вписано то, чего не было, перекручено и искажено то, что было. Такой вывод я сделал, наблюдая за потомками и просматривая их будущее.

В нашем времени Земля была другой. Элты жили в лучших условиях, чем у потомков в конце цикла. То, что для вас сегодня кажется сказкой, для нас было понятным, простым и естественно происходящим. Элты владели способностями и возможностями, которые у людей перестанут проявляться по разным причинам. В основном из-за катастрофического положения духа в результате ряда проигрышей, которые потерпят воплощения, его представляющие, в войнах и сражениях на всем протяжении цикла существования человечества.

Сроки жизни элтов были в два-три раза продолжительнее людских. Правда, к концу нашего цикла они уменьшились почти вдвое, сократившись до двухсот – двухсот тридцати лет вследствие войн и растраты сил нашим видом прямоходящих существ. Элты имели несколько иную форму тел, их энергетическую основу. Наш рост составлял в среднем около двух сэтий или трех метров. Причиной таких параметров наших физических тел стала перестройка гра-

витационного поля Земли, его ослабления в целом, а также на определенном участке поверхности Земли, называемым у нас «цивилизационным поясом».

«Цивилизационный пояс» находился между сорок пятой параллелью к северу от экватора и примерно двадцатой параллелью к югу. В этих границах располагалась основная масса населения, здесь же получила развитие наша цивилизация. Сразу оговорюсь, конфигурация материковых плит в наше время была совсем другой, чем в вашем времени. Все территории к северу и югу от границ «цивилизационного пояса» и до ледниковых массивов на южном и северном полюсах включительно были полностью свободны от поселений. Природа на этих просторах пребывала в первозданном виде. Также не было на этой территории ни силовых, ни климатических, ни иных установок, которые создавали на наших землях необходимый мягкий, устойчивый климат и соответствующие условия проживания. Редко кто из элтов-свободнорожденных или атлантов рисковал строить поселения к югу или северу от «цивилизационного пояса».

Исследователи в будущем не найдут никаких доказательств такому положению дел и нашему проживанию на землях «цивилизационного пояса», так как впоследствии все, что может хоть как-то свидетельствовать о таком положении дел, будет многократно сметено с лица Земли завершающим катаклизмом и большой водой. Да и элты, зная будущее человечества, старались не оставить людям никаких свидетельств своего существования, а также знаний, которыми владели, справедливо считая, что люди, которые могут ими воспользоваться, только нанесут вред как нам, так и себе.

В записках я не акцентирую внимание на достижениях элтов в различных областях и направлениях деятельности, по возможности кратко характеризуя некоторые из них. Основное внимание я уделю описанию происходящего в нашем мире, постаравшись донести до потомков духовность общества, в котором происходило мое становление и развитие.

Наставники считали учеников детьми и в двадцать, и в тридцать лет. Только после тридцати пяти лет они начинали относиться к нам, как к взрослым. Взросление у элтов наступало позже, чем у людей, начинаясь после сорока – сорока трех лет, когда оканчивался полный курс обучения в школе. Только в этом возрасте элты становились полноправными членами общества. Тогда голос каждого элта в поддержку какого-либо решения засчитывался полной мерой. Пора зрелости у элтов начиналась после ста эйнов. Ближе к окончанию цикла, в силу сложившихся условий, уважаемый возраст наступал после восьмидесяти лет.

Высшей ценностью для меня была и осталась свобода. Свобода не игрушечная, не показная, а являющаяся проявлением воли в нас, в нашем существе и в духе, из которого исходит все. Смыслом и сутью моей жизни и существования стало отстаивание внутренней свободы и всего того, что я обрел с этим и для этого. Я учился становиться свободным у учителей, впоследствии учил этому же учеников.

Так проходила жизнь элтов из поколения в поколение. Но постепенно свобода искажалась, подменялась, становясь тормозом в нашем развитии, чего так добивались маги. Им во многом удалось справиться с поставленной задачей. Маги обрели всю полноту власти в конфедерации государств, образовавшейся после распада Атлантиды. Достигнув желаемого, маги еще с большей силой продолжили политику покорения и уничтожения всех тех, кто стоял на противоположных позициях, не был им подконтролен, не хотел жить по их правилам, не желал умирать, целуя ноги покорителей, и своей смертью и разложением служить поработителям.

Последовательная и постоянная подрывная работа магов при власти привела к тому, что наше общество постепенно стало слабеть и разлагаться изнутри, незаметно для себя, принимая ценности, которые навязывались ему магами. Были созданы целые институты, отвечавшие за внутреннее духовное разложение элтов и постепенный переход свободнорожденных и их земель под власть магов Атлазиана, одного из государств, образовавшегося после распада Атлантиды.

Мы же, существуя на краю гигантской империи, охватившей собою, как спрут, все жизненное пространство внутри «цивилизационного пояса» (алта), противостояли этой экспансии и делали все, чтобы отстоять свой закон, порядок и право жить так, как мы это видим и понимаем. В этом были смысл и суть нашей жизни и нашего существования на Земле.

Большинство личностей, о которых упоминается в записках, не будут иметь дальнейших воплощений. Их дух и души в результате постоянных войн и сражений, магической деятельности, осуществляемой против них, получили повреждения, несовместимые с возможностью дальнейших воплощений. Они останутся в нашем времени в надежде, что им помогут. От вас зависит, насколько их надежда призрачна.

Вместе с тем неизвестно, кому повезло больше: тонким телам духа, оставшимся в верхних слоях Земли и продолжающим постепенно разрушаться и разлагаться, или им же, продолжившим воплощения без особой надежды справиться со своим тяжелейшим положением. Как бы то ни было, я уверен, что кто-то из потомков, прочитав мое послание, сделает соответствующие выводы.

Судьба же первых людей, перешедших в следующий цикл, незавидна. Они, воплощаясь в нем, своим трудом будут создавать богатства тем, кто никогда этого не делал, а только паразитировал на труде и жизнедеятельности других. Ведь маги никуда не делись: они и их потомки перешли в новый цикл, чтобы продолжить сытое и благополучное паразитирование на остатках духа, который представляли ранее мы, свободнорожденные, но теперь уже в новых условиях.

Ресурс, которым было обеспечено человечество, будет уничтожен на две третьих за первые два тысячелетия нового цикла. Все переданные людям ценности, знания, будут свернуты, уничтожены и закрыты ими же. Лучшие сыны и дочери человечества, которые еще что-либо могли сделать, падут в постоянных войнах за власть и главенство над новыми территориями или перейдут под полный контроль магических и других инволютивных сил.

Ваши предки не бегали по пустыне и не гоняли палками мамонтов, а владели средствами более мощными, чем имеющиеся сейчас у людей. На определенном этапе истории человечества людям ничего не останется, как начать все сначала и практически с нуля.

В следующем цикле окончательно решится судьба Земли и человечества. Все это будет зависеть уже от вас – от каждого в отдельности и всех вместе, а также от того, что выберет каждый из вас для себя в дальнейшем. Думаю, что при определенных усилиях все или почти все у потомков получится, хотя и потребует приложения всех сил и умений.

К концу жизни, окруженный теплом и заботой родных, друзей, учеников, детей, внуков и правнуков, вниманием ведущих личностей, я чувствую себя почти счастливым. Лишь знание того, что будет со всеми нами чуть позже, не дает мне спокойно спать по ночам, наполняет сердце тревогой, которую я отгоняю, не давая возможности ей овладеть моим разумом. Все чаще я погружаюсь в размышления о том, все ли я сделал для продолжения дела, ради которого жил, а первые люди, в подготовке которых я принимал участие, смогли выполнить свое предназначение и перейти в следующий цикл, чтобы продолжить в новых условиях свое развитие и существование на Земле.

Я отошел от дел управления страной для того, чтобы сделать ряд еще более важных дел как для себя, для всех свободнорожденных, так и для потомков, хотя предвижу, что для людей, живущих в будущем, будет многое непонятно из сказанного в дальнейшем.

Буду рад, если потомки, прочитав записки, придут к осознанию того, что наши земли и мы, свободнорожденные, реально существуем в относительно недалеком прошлом до того времени, пока катаклизм и пришедшая за ним большая вода не уничтожили всех элтов и все нами созданное без остатка.

Подшло время начать рассказ. Начну я его с себя и описания обстановки, в которой я рос и воспитывался в родных и милых моему сердцу местах Верхней Эльклеи. Это и есть

страна, где прошло мое детство и юность, где я, начав жизненный путь, стал воином и пришел к тому, что имею теперь.

Люди, которые первыми прочитают мои записи, доработают их и доведут до нужной завершенности, на что я и рассчитываю. Это необходимо для того, чтобы была должной мерой учтена специфика восприятия людей, их видения и понимания, основанная на понятных для людей символах, представлениях и ценностях, сформировавшихся к этому времени.

Итак, 609 год до глобального катаклизма. Все было, как прежде и вроде бы шло своим чередом, не предвещая резких перемен и событий. Но в воздухе уже витали мысли о надвигающихся, хотя и где-то далеко, пока еще не осознаваемых всеми, событиях. К этим событиям надо было готовиться и быть готовым, чтобы встретить их во всеоружии, спокойно и с внутренним мужеством, пройти их с минимальными потерями, оставшись, по возможности, живым.

Глава 2

Детство

Крепкие руки отца, улыбающееся лицо матери на фоне бескрайнего голубого неба, зелень окружающих садов, дрожащие силуэты гор, уходящие далеко за горизонт, все это – неповторимый аромат детства, картина которого встает в моей памяти сейчас, когда я вспоминаю детские годы, чтобы начать рассказ о них.
Эдвин Таард. Воспоминая о своей жизни

Я прогуливаюсь по саду возле своего дома. Ветер ласково треплет мои кудрявые, но уже седые волосы, заплетенные спереди в косички и свободно спадающие на плечи сзади. По количеству и ширине косичек можно определить мой возраст. Широкая косичка заплеталась нами для обозначения пятидесяти прожитых лет, а более узкие – означали десять.

Вот и пришло время, когда я, предоставленный сам себе, могу поразмыслить о прожитой жизни и сделать в ней завершающий и самый важный аккорд.

Мысль и побуждение описать свою жизнь и все то, что было со мной связано и имело ко мне прямое или косвенное отношение, наталкивается на внутренние барьеры и вызывает различные состояния и гамму чувств. Слушаю себя и наблюдаю за тем, что происходит, какие чувства возникают во мне. Обращение внимания на себя постепенно дает результаты: сменяется состояние и приходит осознание сложности решаемой задачи и своей ответственности за то, за что я взялся и в чем вижу необходимость как для себя, так и для тех, кто прочитает написанное мной.

В моем сознании постепенно складывается цельная картина всей жизни, формируется соответствующее видение и знание ее. Груз прожитых лет и предвидение того, что ждет мою страну, родных и близких, требует от меня усилий, чтобы освободиться от тяжести накоплений и передать потомкам своим рассказом все самое чистое и светлое. Мне предстоит справиться с самим собой и заново прожить жизнь, посмотреть на нее одновременно как заинтересованное лицо и, абстрагируясь, наблюдать за ней со стороны так, чтобы во мне события и мои поступки не вызывали эмоций.

Мои размышления прерывают крики детей, которые, имитируя атакующий клич наших воинов, играют в атлантов и свободнорожденных. Внутренний взор возвращает меня в детство, и оно предстает передо мной и свежо в памяти. Воспоминая, я начинаю видеть и чувствовать себя ребенком. Поддавшись внезапно возникшему чувству, я направляюсь к детям.

Выйдя за изгородь, образованную выращенными деревьями, я незаметно оказываюсь возле детей и застаю их в самый разгар игры. Некоторое время я наблюдаю за весело снующими возле меня детьми. Глядя на них, я спокоен. Мое лицо ничего не выражает. Детям улыбаются лишь мои глаза. Во взгляде и улыбке глаз – все тепло моей души. Я вижу в детях будущих воинов, которые, когда придет время, смогут постоять за себя и за свою свободу. Значит, я жил не зря. Подрастает достойная смена. Я могу спокойно закончить свой путь, зная, что будущее наших земель в надежных руках.

Дети, завидев старшего, на время прекращают игру, дружно поднимают вверх игрушечные мечи и приветствуют меня как воина, с чувством своего достоинства и силы. Я, в свою очередь, чтобы они почувствовали мое внимание к ним, силой мысли переносу свой меч из ножен в вытянутую перед собой руку, приветствуя их. Лица детей светятся радостью и восхищением, хотя они, как могут, пытаются скрыть свои чувства. Нечасто взрослые так отвечают на приветствие детей, поскольку все меньше среди элтов воинов, владеющих силовым искусством. Свободнорожденному моего возраста достаточно просто сказать детям обычное «будьте

сильными» или мысленно ответить «тэр». Но я знаю, что мой поступок послужит толчком для их дальнейшего становления, и некоторые из ребят достигнут того же, что и я, а может быть, и пойдут дальше.

Справившись с собой, дети наклоняют свои кудрявые, светлые головы в знак уважения к моим годам и опыту, все вместе отвечают мне: «Будем сильными», а после продолжают возню. Мне ничего не остается, как вернуться домой и продолжить осуществлять задуманное. Короткое общение с детьми способствует обращению моего внимания на детские годы. Перед внутренним взором все ярче и отчетливее начинают всплывать картины из моего детства, и я все больше окунаюсь в него.

Родился я ранней весной на окраине Буатаалы в семье потомственного воина. В этих местах и прошло все мое детство. Мой отец – Эгран Таард, как и все мужчины из нашего рода, защищал наши земли от постоянного вала агрессии и темной силы, накатывавшегося на нас со стороны империи. Закаленные в боях и невзгодах суровые мужчины больше всего ценили свою свободу и уважали силу.

Отец был чуть выше матери. Этот высокий и стройный, широкоплечий мужчина с золотисто-медными волосами, неспешно делающий свое дело и неизменно добрый ко мне, был для меня примером. Под одеждой Эграна играли бугры мускулов, а свободную плотную рубашку перехватывал широкий силовой пояс, на котором неизменно красовался меч. С ним отец никогда не расставался. Он редко бывал дома, так как шла война. Отряд под командованием отца постоянно участвовал в боевых действиях.

Моя мать, Тэя Эль Туя, была дочерью поселенца и выросла на пограничных территориях. Там она научилась всему: вышить силовой узор на рубашке, присмотреть за работающими на полях биотами, владеть плазменным мечом и коротким экхом, без труда поражать из тяжелого отцовского драгера стоящие или передвигающиеся мишени. Мать была под стать отцу красивой и стройной женщиной с длинными золотисто-коричневыми волосами, перехваченными на лбу мыслеобручем и свободно спадающими ей на плечи. Ее ясные карие глаза, в которых отражалось небо, тепло смотрели на меня. Прошли годы, а я помню теплоту ее рук, спокойное внимание и заботу обо мне.

В нашей семье я был четвертым, самым младшим ребенком. У меня было два брата и сестра. Отец хотел, чтобы все сыновья были воинами, но Совет определил им другую сферу деятельности. Братья и их способности больше подходили для иных занятий. Поэтому профессиональными воинами, как отец, они не стали. Старший брат, Чигуун или Чиг, стал одним из ведущих интеллектуалов, а среднему – Алвару предстояло стать генетиком. Сестра Аула, повзрослев, стала женой воина и занялась впоследствии домашним хозяйством. Род занятий сыновей не радовал отца, но виду он не подавал. Вся его надежда была на меня. О том, что отец видел меня воином и никем другим, я знал с первых своих шагов и не мог его подвести.

По нашим обычаям на ноги ребенок должен был встать сам, опираясь на меч или палку. Никто из родных не поддерживал его и не подавал руки. Я раньше братьев встал на ноги сам, опираясь на игрушечный меч, сделанный, как и другие основные игрушки, руками отца. Больше всего мне нравились силовые шары и мячи из специального материала, в которых накапливалась сила, и, естественно, меч. Проявленная мной самостоятельность стала поводом для сбора всей нашей семьи за праздничным столом.

– Это знак. Сын станет воином, – с радостью наполненной силой сообщил присутствующим отец. – Даже Совет не убедит меня в обратном.

Мать обняла отца и своим певучим голосом поддержала его:

– Эд будет сильным мужчиной. Расти, сын, и набирай силу.

Далее каждый из присутствующих по старшинству сказал мне теплые слова. Я их не слышал, был занят собой и увидел это событие в моей жизни позже, когда многому научился.

Первые детские годы моей жизни прошли под гул сражений. Силы империи наступали. Отец был все время на войне. Моим воспитанием в основном занимались мать и сестра.

Я рос живым и подвижным мальчиком, днями взбивая пыль в предместьях Буатаалы с такими же, как я, сверстниками или находясь под присмотром воспитателей на отведенных для детей площадках. Мать могла не беспокоиться обо мне. За всеми нами пристально наблюдали. На груди у каждого ребенка висел прозрачный шарик, он в случае опасности начинал светиться и испускать сигналы. То же происходило и с обручем, который каждый из нас с четырех лет носил на голове. Мыслеобруч был устройством для мысленной связи с родителями и воспитателями, а также помогал развитию интеллектуальных способностей ребенка.

С ранней весны и до поздней осени я в плетеных сандалиях, длинной рубаше, перехваченной узким поясом, и в шортах бегал на воздухе и только с наступлением холодов перебирался в дом. Здесь пахло теплом и уютом, сильной матерью и ни с чем несравнимым запахом доброты и надежности. Дом в пригороде столицы, а потом и в самой Буатаале отец получил от Совета. Он привел в него мать еще молодой женщиной. Родители прожили здесь всю свою жизнь. Дом в несколько этажей был большим, просторным и светлым. Террасы, по которым вился цветущий плющ, выходили на улицу. Дома, в которых жили семьи воинов, соединялись между собой переходными мостиками и имели общий зеленый двор. Все знали друг друга и жили одной большой семьей. Так было легче всем, особенно когда мужья были на войне, а женщинам нужно было поддерживать друг друга. Здесь, в военном квартале, и прошло мое детство.

Родители не баловали меня, но и не были чрезмерно строгими ко мне. До пятилетнего возраста мне разрешалось все, кроме откровенных шалостей и того, что было опасным для моей жизни. Мне никогда не читали морали и нравоучений. С раннего детства я знал, за что и как буду наказан в случае нарушения определенных правил. Это соблюдалось неукоснительно. Худшим наказанием было для меня остаться дома и помогать по хозяйству в то время, когда сверстники собирались и играли на окраинах Буатаалы. Поэтому серьезных проступков я старался не допускать.

В семье старшим был отец. Его слово было законом для всех. В его отсутствие, старшинство переходило к матери. Все в доме были обязаны слушаться ее. Старшие братья и сестра отвечали за меня. Я обязан был их слушаться. Они были больше меня и, пользуясь этим, за мое непослушание брали меня за пояс сзади и поднимали над землей. Я болтал в воздухе руками и ногами, а в это время мне объясняли, в чем я был не прав. После объяснений меня опускали и ставили на место. Это было самым неприятным ощущением, которое я запомнил с детства.

Элты не наказывали детей побоями. Рукоприкладство в любом виде не допускалось. Никаких ударов по попе, поскольку этим ты выбиваешь у ребенка всю его базу на жизнь, все накапливающиеся в тазобедренных суставах энергии и подрываешь его силы. То же касалось подзатыльников и ударов по рукам.

В эти годы самым большим праздником для меня и всей родни были дни, когда с передовой на краткий отдых возвращался отец. Мать расцветала при его появлении. Весь наш дом наполнялся его присутствием и силой. Зычный голос отца успокаивал, а от мужественного лица исходила отвага. Меня он брал под мышки в свои сильные руки, поднимал на уровень головы и произносил:

– Будь сильным, сын, расти большим, чем я, и не забывай, что ты – мужчина, все зависит только от тебя.

Глаза отца излучали тепло и радость при этом. Он гордился мной, а я был самым счастливым ребенком в мире. Иногда, проявляя особенное расположение ко мне, отец вытягивал свою могучую руку вперед, а я садился на нее, после чего он слегка подкидывал меня, пересяживая с руки на руку. Владея силой, отец мог держать мое маленькое тело в воздухе без

помощи рук, а я купался в силовом шаре, образованном его энергией, и не помнил себя от радости. Это случалось редко, поэтому больше всего запомнилось мне.

Я слышал, как отец, оставшись с матерью, указывая на меня, говорил:

– Не нежь мне сына, он должен стать воином и набирать силу с годами, как могучий дуб, все усиливаясь.

На что мать с улыбкой, обняв его, играя его локонами, шутливо замечала:

– Но ты же не возражаешь, когда я ласкаю тебя?

– Это другое дело, вырастет – тогда сам поймет, что к чему.

– А ты пришел к чему-либо? – спрашивала мать. – Видно, все никак не разберешься.

Тебе все некогда.

В ответ на это отец мрачнел и сдвигал брови.

– Война, – кратко замечал он. – За сыном смотри. Он – моя надежда. Весь наш род – воины. Традиция эта не должна прерваться, или я не воин и не мужчина.

– Ты – воин, но для обеспечения гарантированного успеха ты можешь постараться и сделать пятого ребенка.

– Тебе хватит и четверых. Я все время в отъезде, а детям нужен отец рядом с ними.

– Ничего. Совет позаботиться о детях.

– Дети до школы – наша с тобой забота.

Так отец и мать, обнявшись, могли переговариваться долго, поддерживая друг друга своей силой.

Я быстро рос и становился все сильнее, а копна золотистых волос на голове все увеличивалась. Мне исполнилось пять лет, когда я получил самый дорогой подарок. Отец, который уже месяц был дома, сделал для меня широкий силовой пояс (его носил у нас каждый взрослый мужчина) и игрушечную копию боевого драгера, из которого можно было стрелять маленькими шариками.

Настал день, и в присутствии всего семейства отец вручил мне подарок, сам застегнул на мне пояс, расправил перевязи, дождался, пока я повесил на него свой игрушечный меч и драгер, отошел чуть в сторону и произнес:

– С этого дня, сын, ты начинаешь свое становление, как настоящий воин и мужчина, имеющий все, чтобы стать им. Не подведи меня. Будь сильным, сын.

Глаза Эграна улыбались мне, а взгляд был наполнен отцовской любовью. Этот суровый мужчина видел во мне свое продолжение и искренне хотел, чтобы я превзошел его. Я вытащил игрушечный меч из ножен, поднял его перед собой на уровень груди, отсалютовал им, и со всей серьезностью, детским срывающимся голосом проговорил:

– Я стану и буду сильным!

Я сделал несколько взмахов мечом, имитируя нападение. Отец, шутя, отбил их, обхватил меня за плечи и поднял вверх. Я коснулся рукой его шероховатого лица и золотистых волос, которые оказались рядом, и зажмурился. Отец подержал меня немного, после опустил на пол. Таким я его и помню до сих пор: сильным и уверенным в себе свободнорожденным, добрым и заботливым, несмотря на внешнюю резкость и суровость.

– Вот так всегда, – заметила мать, – как мне, так не нежь. А сам?

– Это по-мужски. Сегодня ему можно.

После паузы, взглянув на мать, отец добавил:

– Может быть, это аванс на следующие годы.

Мать подошла к отцу. Он обнял ее и прижал к себе. Второй рукой он слегка погладил меня по голове. Я прижался к его ноге и стоял так несколько мгновений.

– Скажи, что это неправда, Эг, – тихонько прошептала мать. – Я не смогу без тебя. Ты предчувствуешь свой уход или знаешь?

Мать посмотрела отцу в глаза. Он улыбнулся ей.

– Мой срок еще не пришел. Я сделаю все, чтобы остаться в живых. Твое тепло согревает меня, но я – воин и этим все сказано, – давая понять, что разговор закончен, сказал отец.

На праздничный ужин по случаю моего дня рождения мать приготовила мое любимое блюдо, похожее на пирог из слоеного теста со сладкой начинкой. Фрукты и напитки были дополнением к пирогу на праздничном столе. Ужиная, я время от времени смотрел на отца и не мог понять, как можно лишить жизни этого могучего мужчину в расцвете сил, храброго и сильного воина.

Отец был для меня примером во всем. Самыми счастливыми днями в моей жизни были те, когда мы с ним шли прогуливаться на окраины Буатаалы. Тогда, удостоверившись, что мать нас не видит, отец сажал меня на шею и легко пробегал со мной несколько десятков сэтий. Я изо всех сил держался за голову отца, а его развевающиеся на ветру волосы охватывали и наполняли меня теплом и силой.

Я знал многих друзей отца. Они вместе тренировались или просто собирались в свободное от войны время в местном тэге, чтобы отведать свежесваренного травяного напитка – зерлоя или чего-то покрепче. Шутили, смеялись, иногда задевали проходивших мимо девушек или поселенцев, которые чем-то привлекали их внимание. Драк и разборки никогда не возникало. Завидев нашивки на силовых рубахах воинов или просто зная, кто они, с ними не связывались, только в шутку задирались и перебрасывались колкостями и насмешками.

В ответ на предложение поучаствовать в тренировочной схватке с кем-то из них большинство элтов лишь улыбались и под разными предлогами отказывались от такой чести. Друзья отца и отец не настаивали. В родных местах среди местных жителей у них не было врагов. Иногда воины ссорились между собой и могли надавать друг другу тумачков и наставить синяков. Владея знаниями и способностями для лечения ран, навыками в энергомедицине, пострадавшие к врачам не обращались. Это неминуемо влекло за собой огласку, а она никому не была нужна.

Наш закон был суров к тем, кто выяснял отношения на мечях. Дуэли в любом виде были запрещены, особенно в кадровых частях. Даже за подстрекательство к такому выяснению отношений следовало отстранение от своих прямых обязанностей, что влекло за собой наказание в виде показательных работ по уборке или приведению местности в порядок наряду с биотами. Быть причиной для насмешек не хотелось никому. Нарушителей могли отстранить от участия в боевых действиях. Более сурового наказания для воина не было. Осознание того, что, когда ты занят подсобными работами и не можешь ничем помочь товарищам, находящимся на огневом рубеже, через свой неправильный поступок, было лучшим лекарством от повторения подобного.

По законам воинского братства, которые соблюдались всегда, применять свои навыки против мирного населения, когда на тебя не нападали, считалось недопустимым, что свидетельствовало о неправильном применении силы. Совершить подобное действие означало уронить свое достоинство, звание воина и уподобиться наемникам атлантов, крэгам, сброду, собранному со всех земель, ранее входивших в империю, для войны с элтами. У нас, свободнорожденных, с ними были особые счеты. Против крэгов и представителей сил конфедерации разрешалось использовать любые средства. Крэгов редко брали в плен, расправляясь с ними сразу и на месте.

Отец никогда не рассказывал мне, как он воевал. О действиях его подразделения я узнавал из информационных сводок. Иногда друзья отца говорили пару фраз о нем и его успехах. Из этой скудной информации об отце было понятно одно: он пользовался немалым авторитетом среди воинов. Подразделение, возглавляемое им, всегда направлялось на самые опасные участки фронта. Отец привык к такой жизни и не видел для себя ничего иного, кроме ремесла воина. Война закалила его и стала для него привычным делом, той работой и единственным местом, где он мог проявить себя. Реализовать себя в мирной жизни и быть в ней воином,

для отца было трудным делом. Через пару месяцев пребывания дома он внутренне замирал, становился каким-то скучным и невеселым. Мать только хмурила брови, замечая изменения в состоянии мужа.

– Я тебя не вдохновляю, – всякий раз говорила она.

– Ты же знаешь, что это не так, – улыбаясь, отвечал отец.

– Знаю, знаю, я вашу болезнь. Скучно тебе, некуда силу девать, не видно вспышек плазмы и нет привычного давления на мозги. Вон хозяйством бы занялся или с сыном погулял.

Отец, ничего не говоря, брал меня, и мы уходили к его друзьям. В их компании он снова становился самим собой, шутил, весело разговаривал. Звучание его сильного голоса заглушало голоса остальных. Под руководством отца я учился держать меч и разучивал первые движения с ним. Я с трудом поднимал тяжелый боевой драгер отца. Руки дрожали, а ствол водило из стороны в сторону, когда я пытался направить драгер на мишень, чтобы выстрелить.

– Смотри, Эд, нас не убей. На войне и в боях выжили, так ты тут нас положишь, – с улыбкой шутили, глядя на мои усилия, воины.

Отец улыбался вместе с ними. Он внимательно наблюдал за мной, и был готов в любое мгновение помочь мне. Так я рос, с самого детства приобщаясь ко всему тому, что могло помочь мне со временем стать и быть воином.

Небо опять заволкли тучи. Вяло протекавшая военная компания активизировалась. Силы атлантической конфедерации снова наступали. Отцу предстояло заняться тем, что он лучше всего умел делать.

Мне исполнилось шесть лет. Я был здоров, резв и быстр, никогда не жаловался на боли или слабость. Перед тем, как отец ушел на войну, со мной начало происходить то, чего раньше не происходило. Ночами я начал замечать, что через сон на меня наступает что-то темное и тяжелое, несущее в себе угрозу. Наступало утро. Вместе с ночью уходили и страхи, но тяжесть и чувство опасности оставались, накапливалась усталость. Я рассказал матери обо всем, что происходило со мной во сне. Она, поговорив с отцом, решила последить за мной ночью. Во время сна со мной ничего не произошло. Я крепко спал и проснулся отдохнувшим.

Целый день я бегал со сверстниками, а к вечеру внезапно занемог. Слабость и странная усталость вдруг навалились на меня. Я не мог стоять на ногах. Жар был таким сильным, что я чувствовал, как внутри все горит. Мысли путались. Я слышал лишь отдельные слова и видел расплывчатые силуэты членов семьи, собравшихся вокруг ложа, где я лежал. Никакие лекарства и снадобья мне не помогали. Родители сами неплохо врачевали и разбирались в лечении травами, а также другими средствами. Но и отец, и мать, почувствовав угрозу потери меня, решили незамедлительно обратиться к профессиональному врачу и видящему Элу Корну – другу отца. Он, выслушав отца по флоону (устройство мобильной связи), через несколько минут был у нас.

Разговор отца с Элом был недолгим. Поздоровавшись, Эл Корн сразу направился ко мне. Около минуты он ничего не делал, а просто смотрел на меня.

– Выйдите все. Эгран, останься, нам нужно поговорить.

Не проронив ни слова, мать, сестра и брат вышли. В это время Эл достал инструменты, развернул силовую сферу вокруг меня, связался по флоону с друзьями и что-то приложил к моему телу в области головы. Он знал свое дело. Через пять минут мне стало легче. Все это время Эл молчал. Закончив свою работу, он обратился к отцу:

– Что ты обо всем этом думаешь, Эг?

– С сыном никогда ничего подобного не было. Все, что применяем мы, не действует. У меня смутное ощущение, что на Эдвина кто-то нападает во сне.

– Чутье тебя не подвело. Это маги.

– Ты ничего не путаешь, Эл?

– Нет, это их работа. У твоего сына большие проблемы от магов из прошлых воплощений его духа. Предыдущее его воплощение изрядно насолило им. А все то, что магами предусмотрено в отношении предыдущих воплощений, начало проявляться у Эда. Я лишь устранил базу, с которой маги воздействовали и влияли на него, забирая его силы.

– Но мы же защищены.

– Это в отношении Эда не имеет значения. У него есть кровник. Его и не только его злоба обращена против твоего сына.

– Что же такого он сделал?

– Я не знаю, Эг. С этим жить ему и разбираться тоже предстоит только ему. Ты сыну ничем в этом не поможешь. Он должен вырасти, получить необходимую выучку для того, чтобы справиться со своими проблемами. Только лишь в таком случае у него будет шанс не стать жертвой магического предопределения.

– Эд слышит нас?

– Нет, я дал ему успокоительное, и он заснул. Сейчас прилетит на лерфе (летательный аппарат на антигравитационных двигателях) дежурная бригада. Мы возьмем Эда на пару дней к себе. Так будет лучше для него.

– У него что-то серьезное?

– Маги – это всегда серьезно. Ты вовремя позвал меня, могли быть непредсказуемые последствия. Пару деньков полежит и выздоровеет, будет бегать не хуже, чем ранее. Мой тебе совет, – после небольшой паузы тихим мелодичным голосом произнес Эл Корн. – Тебе надо будет определить сына в школу, где ведущий учитель Зиагаард. Из всех наших учителей на землях свободнорожденных только он один в полном объеме сможет помочь Эдвину.

– Это лучшая школа во всей Верхней Элькее. Туда непросто попасть. Я и сам думал определить в нее сына. Старшие учителя школы могут не принять Эда. В нее отбираются лучшие ученики со всех наших земель, и там большая конкуренция.

– Я поговорю с Зиагаардом. Он не откажет. Ты тоже можешь с ним побеседовать. Он выслушает тебя, если свободен.

– Зиагаард всегда занят, так что поговори с ним сам. Я не люблю навязываться. Сын мне дорог. Он – мое будущее.

– Я знаю, Эг, и сделаю все, что нужно.

– Ты что-то знаешь еще о сыне?

Эл Корн усмехнулся.

– Знаю. Твой сын связан с Зиагаардом в прошлом и не просто так пришел сюда. Предыдущее воплощение твоего сына было просветленной и ведущей личностью, его знали многие. Эд пришел закончить начатое. Еще, он храним судьбою. Пока он мал, не говори ему всей правды. Просто предупреди, чтобы он был внимателен ко всему необычному, что происходит с ним, к любым мелочам, и сразу же говорил об этом взрослым. Такое поведение поможет ему сохранить жизнь. Все, что будет необходимо, расскажет ему Зиагаард или другие учителя в школе. До встречи. Будь сильным, Эг.

Этот разговор я воспринял уже на склоне лет, когда многое прошел и повидал в жизни. Судьба, хранившая меня, свела меня со многими элтами, которые стали для меня примером, как и отец.

Я пробыл в больнице всего три дня. После произошедшего со мной события, в моей жизни внешне ничего не изменилось. Я точно так же бегал со сверстниками и участвовал в их играх, но внутренне я не переставал чувствовать какую-то скрытую угрозу для себя и своего существования. Были времена, когда она исчезала и пряталась за горизонт, и я думал, что уже освободился от нее. Но всякий раз она неожиданно напоминала о себе в самый неподходящий момент, особенно, когда я забывал о ней. Солнце моего безоблачного детства, взошедшее надо мной и ярко освещавшее мой путь, стало заходить за тучи.

Отец ушел на войну и пробыл там около полутора лет. Заметно похудевшим и уставшим вернулся он домой. Обычно несловоохотливый, отец подолгу разговаривал с матерью. В его глазах я читал тревогу и недоумение. О причине таких перемен я узнал позже, когда повзрослел и научился читать прошлое.

– Мы уступаем конфедератам, но это – не наша вина. Непонятно, куда смотрит командование, если не видит и не отдает отчет в том, что происходит. Мы проигрываем противнику в темпе и в скорости, незаметно сдаем позиции. Если так будет продолжаться, мы потеряем еще ряд пограничных земель. Это же очевидно.

Обняв отца и прижавшись к нему, мать успокаивала его своим звучным, мелодичным голосом:

– Успокойся, Эг, ваши командиры все видят. Может, так они реализуют какой-то план, о котором ты не знаешь.

Отец, освободившись от объятий матери, продолжал высказывать свои мысли.

– Нет, это не план. Думаю, что эта нерасторопность и есть начало предательства в наших рядах. У меня нет никаких доказательств этого, но другого объяснения я не нахожу.

Мысль о том, что в руководстве войсками зреет предательство, не давала отцу покоя. В войсках нарастало напряжение. Многие воины чувствовали то же, что и он. Происходили смены командиров подразделений. Дело принимало серьезный оборот. Обо всем этом я не знал, только видел, как отцу было тяжело. Он больше всего не терпел беспорядка и нерасторопности в своем деле.

Время шло. Мне исполнилось семь лет. Подошел срок и мне идти в школу и выбрать себе учителя. Эл Корн сделал все так, как и обещал отцу. Он переговорил с кем-то из друзей Зиагаарда, и нам с отцом назначили время для предварительного знакомства со мной. В один из солнечных, теплых дней в самом конце лета отец надел выходную рубашку, подпоясался силовым поясом и повесил меч. Мы отправились в школу на скутере (малогабаритный летательный аппарат), который доставил нас на стоянку неподалеку от нее. Далее мы прошли пешком. Весь отрезок дороги до школы мы шли молча. Отец о чем-то размышлял. Перед школой он обратился ко мне со словами:

– Будь внимателен, Эд. Школа даст тебе путевку в жизнь. Обучаясь в ней, ты начнешь становиться тем, кем тебе нужно стать. Ты знаешь, кем тебе нужно стать?

– Воином, – без раздумий ответил я.

Отец усмехнулся.

– Не только воином, но и сильным духом мужчиной. Тебе много предстоит сделать в жизни и со многим разобраться. Держись, сын, тебе нужно вести себя так, чтобы тот, с кем ты будешь говорить, увидел и понял, что для тебя есть место в школе, а ты сможешь стать достойным учеником.

– А если я не смогу так повести себя?

– Сможешь, ведь ты – мой сын и будущий воин, а воины ничего не боятся, а если и боятся, то преодолевают страх. Расслабься и веди себя естественно. Самым важным и нужным для тебя есть сама возможность учиться в лучшей школе во всей Верхней Эльклее. Здесь создано все для того, чтобы стать настоящим воином.

С самого начала школа произвела на меня впечатление. Комплекс ее зданий располагался в предместьях Буатаалы в округе Баал. Вокруг школы было много деревьев и других зеленых насаждений. Обработанные поля, рощи и небольшие леса примыкали непосредственно к территории школы. Местность вокруг была холмистой и пустынной. Рядом мы заметили только небольшое поселение, взбегающее постройками на прилегающий холм, климатические и силовые установки, расположенные вблизи от него и силовую башню Аптаан, которая контролировала окружающую местность. Мы прошли силовую арку и оказались на территории школы.

Здесь было отдельное государство со своими правилами и законами. Это чувствовалось сразу. Даже я заметил, что за нами внимательно наблюдали еще на подходе к ее территории.

– Вот, сын, мы и пришли, – спокойно произнес отец.

В подтверждение его слов к нам подлетел информационный шар, внутри которого появилось лицо. Мелодичный голос устройства сказал, куда нам подойти. Лицо в шаре исчезло, а вместо него развернулась перспектива школьных зданий и кратчайший путь от места, где мы находились, в один из корпусов. Там нас уже ждали. В большой и просторной аудитории, куда мы прошли, собралось много детей. Все они были с родителями и ожидали своего времени для собеседования. Отец успел переброситься несколькими фразами с некоторыми из своих знакомых. Вскоре мелодичный голос назвал его имя. В стене открылся проем, и я с отцом проследовал сквозь него.

Комната, куда я попал, была наполнена светом. За овальным столом сидело несколько свободнорожденных. Отец поздоровался с ними. Один из мужчин, видимо, старший, встал и прошел к нам навстречу. Он тепло пожал руку отцу по воинскому обычаю. Было видно, что перед нами воин. Незнакомец обменялся мыслями с отцом, а после повернулся ко мне и присел на корточки так, что его глаза оказались на одном уровне с моими.

– Эдвин, сын Эграна, будь сильным.

– Будь сильным и ты, учитель.

– Меня зовут Миор Вэй. Ты хочешь обучаться в нашей школе?

– Тэр! – громко ответил я.

– А кем ты хочешь стать?

– Воином, как мой отец, – без запинки ответил я.

– Что ж, у тебя будет такая возможность, если ты ответишь мне на несколько вопросов.

Миор выдержал небольшую паузу, а в это время внимательно изучал меня. Его глаза улыбались мне. Я ждал.

– Ты умеешь читать знаки?

– Тэр, – меня учил этому отец.

Передо мной появились символы, записанные в ряд. Целая страница, потом еще и еще.

– О чем тут сказано?

Я ответил.

– Покажи свои руки.

Я спрятал ладони за спину и посмотрел на отца. Ладони мы не показывали никому, кроме отца и матери. Отец кивнул головой. Я вытянул руки ладонями вверх перед собой. Миор сначала посмотрел на мои ладони, а после на отца. Улыбка сбежала с его лица. Оно стало задумчивым. Возникла пауза.

– Ты будешь учеником нашей школы, Эд, но тебе придется несколько месяцев подучиться самому. Родители помогут тебе. Что нужно будет сделать, я скажу твоему отцу лично. А сейчас ты свободен. Отца подождешь снаружи. Нам надо поговорить.

Я вышел. Собеседование оказалось совсем несложным и не таким, как я предполагал. Отца я ждал недолго. Он вышел задумчивым и серьезным. Время от времени отец поглядывал на меня.

– Пойдем, сын. Твое детство закончилось. Теперь тебе предстоит обучение, работа и серьезные испытания.

– Какие испытания, отец?

– Этого не знает никто. Тебе нужно готовиться к ним.

Мы вернулись домой. Отец посадил меня рядом с собой и изложил все, что мне нужно будет делать. Он записал всю полученную от Миора информацию на наш домашний ноукл (переносной компьютер). В любое время я мог посмотреть ее на экране. Я начал готовиться к школе. Отец пробыл дома еще три месяца, а после его и всех нас закрутил вихрь войны, как

всегда неожиданно налетевший на земли свободнорожденных. Конфедерация скопила большие силы на границе и перешла в наступление. Военное противостояние обострилось. Временами даже на окраинах столицы был слышен гул, чувствовалось сотрясение земли. Наши войска оборонялись, отбивая атаки противника. В этих условиях и в такой обстановке на наших землях закончилось мое детство и начался новый период моего дальнейшего взросления уже в стенах школы.

Глава 3

Младший ученик

Будьте внимательны, юные элты, с момента появления в школе ваше обучение уже началось.

Чтобы быть полноправным членом нашего общества, свободнорожденный на протяжении жизни проходит все этапы своего становления.

Нахождение и обучение в школе является необходимым и самым важным периодом в жизни будущего гражданина страны и создает базу, на которой будет строиться и протекать вся его последующая жизнь.

От каждого из вас зависит, какой будет эта база. Что вы заложите своим обучением и трудом в нее, на то и сможете опереться в последующей жизни.

Зиагаард. Обращение к ученикам

Несколько месяцев подготовки к школе пролетели быстро. Чем ближе подходило время начала учебного года, тем больше я думал о школе, об обучении в ней и о том, что в ее стенах мне предстоит стать воином. Школа все больше притягивала и манила меня.

В середине осени настал тот долгожданный день, когда я должен был в сопровождении родителей отправиться в школу. По этому случаю я надел новую, пошитую для меня рубаху, штаны, низ которых широкой лентой обматывался вокруг щиколоток, и тренировочные сандалии, пружинящие при каждом шаге. Дополнял наряд широкий пояс. Мой вид вызывал во мне радость и гордость одновременно. Эти чувства переполняли меня от осознания того, что сбылась мечта моя и отца – с этого дня я становился учеником школы, в которой главным учителем был Зиагаард.

Школа встретила нас праздничным видом. Столько много сверстников, собранных в одном месте, я не видел никогда. Старшие ученики были приветливы и охотно рассказывали о правилах поведения на территории школы. Многие из них были уже совсем взрослыми элтами, и их обучение в школе подходило к концу. У старших учеников были даже собственная территория и здания, где они жили отдельно от остальных, но все равно мы могли с ними поговорить, расспросить об обучении и учителях.

Зиагаард собрал всех новичков под огромным навесом в школьном саду, возведенным на небольшой возвышенности. С трех сторон навес окружали деревья, а еще с одной стороны находился главный учебный корпус школы. Мы шумели и переговаривались между собой. Зиагаард стоял перед нами и изучал нас, улыбаясь. Он был большим и сильным, еще сильнее, чем мой отец. Доброта струилась из его глаз, равно как и весь он излучал ее.

Зиагаард, как и подобает паадху нашей школы, словами приветствия начал первое вводное занятие.

– Юные элты, будьте сильными.

Нестройный хор детских голосов также ответил ему приветствием.

– Как вы устроились здесь? Есть ли у кого-то жалобы, пожелания? Нравится ли вам у нас? – голосом, наполненным силой, прозвучали его вопросы. – Я хочу услышать ответы от каждого. Я жду. Отвечать можете мысленно.

Учитель слушал наши ответы и смотрел на нас, слегка прищурив глаза, пока не ответили все.

– Вот теперь я вижу, как вы устроились.

Зиагаард обернулся к помощникам и что-то быстро сказал им. Один из них отправился что-то выяснять.

– Вы будете обучаться в группах по двадцать пять – двадцать семь юношей и девушек. Состав групп уже определен. После того, как я закончу вступительное слово, в моем присутствии вы разделитесь на группы, после чего я представлю вам наставников, которые будут вести вас первые двенадцать лет обучения. По окончании двенадцати лет обучения у вас будет первый сознательный выбор и каждый из вас самостоятельно изберет то направление и ту специальность, в которой он сможет в будущем принести наибольшую пользу нашему обществу. Я и весь учительский коллектив школы при необходимости помогут вам в этом. А сейчас я расскажу о нашей школе.

Зиагаард сделал паузу. Когда легкий говорок среди нас утих, он продолжил.

– Я буду рассказывать, а на экране вы будете видеть то, о чем я говорю. Будьте внимательны, я повторять не буду. Учитесь слушать. Из многих умений это – едва ли не самое важное для вас сейчас. Итак, коротко о школе. Она была образована в те времена, когда наши предки пришли на эти земли и обосновались на них. Вначале это были небольшие постройки под прикрытием силовой башни Аптаан. Все вы видели ее, когда пришли сюда. Позже школа разрослась, и теперь ее территория занимает всю округу. Ей принадлежат леса и водоемы, небольшое озеро, где можно будет искупаться. Вы, юные элты, любите плавать?

– Тэр, – нестройно ответили мы.

– Вот это озеро, где вы можете отдохнуть на его берегах и в лесу, а вот наша школа.

В это время на экране появилось изображение школьной территории со всеми постройками, прилегающими угодьями, лесами, полями и учительским городком, расположившимся рядом с холмом, на котором находилась силовая башня Аптаан. Изображение было настолько четким, что мы видели фигуры учеников, находящихся на школьных площадках, возле корпусов и в школьном парке. Указка Зиагаарда скользила по изображению. Он кратко характеризовал каждую группу зданий. Рассказав нам об обустройстве школы, Зиагаард остановился и внимательно посмотрел на нас. После секундной паузы он продолжил:

– Теперь самое главное. На территории школы существует установленный порядок, и действуют определенные правила, которые для вас с этого момента обязательны для исполнения. Не я их придумывал. Правила прошли проверки за столетия предыдущих обучений. Основная ваша обязанность – обучаться и обучиться тому, что будет предложено. Если вы этого не захотите, начнете сопротивляться, не будете слышать голос учителя, то вас отчислят. Вопрос этот решит школьный совет. Еще одна ваша прямая обязанность – следовать внутреннему распорядку, заведенному в школе, становиться и быть дисциплинированными. Этому вас будут обучать с первых дней. Вам будет предоставлено свободное время, время для прогулок, встреч с родителями. По окончании нашей встречи вас разместят по школьным корпусам. Там вы будете жить на протяжении всего времени обучения в школе. Кому не понятно сказанное мною или есть вопросы? Задавайте. Не бойтесь насмешек. Все вы здесь в одинаковых условиях. Поблажек и скидок кому-либо на пол или возраст не будет. Кто боится выглядеть глупым или неумным, должен преодолеть этот страх. Только так каждый из вас сможет освободиться от страха и научиться чему-либо. Вы слышали меня?

Мы утвердительно ответили.

– Я вас тоже услышал, – после паузы произнес Зиагаард.

– Учитель, – донеслось с места, – а ты возьмешь кого-то в свою группу?

На лице Зиагаарда появилась едва заметная улыбка.

– Позже, когда вы подрастаете, и многое относительно каждого из вас прояснится, тогда и поговорим. Все группы будут вести опытные наставники. Я буду осуществлять общее руководство. Таков порядок. Он правильный и всех ставит в равные условия. А сейчас вам необходимо разделить на группы.

На экранах высветились наши имена в восьми группах. Напротив каждого имени был портрет. Спустя две-три минуты мы уже стояли, разбившись на группы, и ожидали продолжения.

– Никто не ошибся, не забрел в чужую группу? – пошутил Зиагаард. – Проверьте еще раз, правильно ли вы определили свою группу.

В это время к нам подошло восемь наставников. Зиагаард представил их нам. Среди них был уже известный мне Миор, три мужчины и четыре женщины. Все они были в удобных светлых одеждах, подпоясанные широкими поясами. Наставники внутри улыбались нам, но их лица были спокойны и ничего не выражали. Я, привыкший к мужскому воспитанию, не ожидал увидеть такого количества женщин среди наставников. Мне повезло, считал я, что старшим нашей группы был назначен Миор. Высокий и стройный с каштановыми волосами, в которых присутствовали золотистые пряди, он выглядел моложе своих лет, излучая всем своим видом спокойствие и силу. Миору исполнилось больше ста эйнов. Он был лет на сорок старше отца.

Наставник представил двух помощников и обратил наше внимание на необходимость и обязательность внимательно слушать и выполнять все то, что они нам скажут. С этого дня началось мое обучение в начальной группе в одной из лучших школ под руководством Миора.

Группа, в которую я был определен, состояла из юношей и девушек, прибывших со всех территорий свободнорожденных. Всего нас было двадцать четыре элта: двенадцать девушек и двенадцать юношей. В этой компании я проучился двенадцать лет до своего совершеннолетия. Из всех моих сверстников выделялся Эрн Стаг, юноша с каштановыми волосами и постоянно непроницаемым лицом. Лидер и душа компании, он был сыном поселенца из приграничных территорий. Мы даже успели с ним подражаться, но после выяснения отношений Эрн стал моим лучшим другом. Жизнь переплела наши судьбы и после школы.

Среди всех девушек в нашей группе своим нравом и диковатой красотой выделялась Шиита. Она была больше похожа на мальчишку с нетипичными для девушек темно-коричневыми волосами, большими голубыми глазами, из которых так и брызгал смех. Шиита привлекала всеобщее внимание. Иногда ее глаза метали молнии, а руки часто сжимались в кулаки, и она по-мальчишески разбиралась со всеми ей не понравившимися. В такие минуты я сомневался, что передо мной девушка – она ни в чем не уступала никому из юношей. Шиита была лучше, умнее и сильнее любого. Она и Эрн были лидерами в нашей группе, которые стояли друг друга.

Наше обучение протекало на фоне событий, которые в той или иной мере были связаны с войной. Силы конфедерации прорвали фронт и наступали на всех направлениях. Они были остановлены ценой жизни многих свободнорожденных, но мы не видели ужасов войны. Ученикам до пятнадцати лет не разрешали смотреть боевые действия без соответствующего сопровождения. Таков был закон. Психика ребенка не должна была испытывать нагрузок, к которым она не готова.

На протяжении первых пяти лет обучения я редко видел отца. Ко мне в школу иногда приходили мать или старший брат. Отец смог зайти лишь два раза. Половину времени, выделенную для встречи со мной, он провел в обществе Миора и других учителей, рассказывая им о ситуации, складывающейся на фронте. Учителя и так были в курсе новостей, ведь на экранах каждый день мелькали сводки с мест сражений, но послушать непосредственного участника событий было для них важнее.

Война оставила неизгладимый след на лице отца – оно стало строже и суше. Этот элт, закаленный в боях, в нашей школе казался мне пришедшим из другого мира, о котором я ничего не знал.

В свой последний приход к нам в школу отец был необычайно весел. Внутри он расправился и выглядел сильным и уверенным, как всегда. Он опять долго говорил с Миором, а после взял меня на день с собой. Мы пошли прогуляться по округе, заглянули в школьный сад. Отец

был оживленным более чем обычно. Причину его такого поведения я понял позже. Сейчас же отец своим баритоном, в котором прослеживались одновременно доброта ко мне и усталость после боевых действий, расспрашивал меня об обучении.

– Как идут твои занятия, Эд? Тебе нравится учиться в школе?

– Да, отец. Здесь сильные элты и много интересного. Мы изучаем разные дисциплины, но это только начало. Нас готовят к более серьезным занятиям. Военное дело мы только начинаем осваивать. Нас не допускают к более серьезным вещам. А мне так хочется научиться тому, что умеешь ты.

– Ничего, сын. Твои наставники – опытные учителя, они знают, что делают. Не спеши. Если захочешь, то воином станешь. У тебя, сын, свой путь. Он не должен быть похожим на мой. Возможно, тебе предстоит испытать больше, чем мне. Поэтому учись настойчиво. Миор сказал, что пока к тебе нет серьезных замечаний.

– Ты знал его раньше?

– Да. Он был командиром специального подразделения, в которое я прибыл по направлению, как только закончил школу.

– Миор тоже воин?

– Больше чем воин, Эд. Ты многому можешь научиться у него. Миор очень многое повидал и знает жизнь.

– А Зиагаард?

– Кто же из воинов не знает Зиагаарда? Было время, когда он командовал фронтом. С ним связаны самые значительные наши победы.

– Почему он ушел?

Отец нахмурился и посмотрел на меня. После рассмеялся.

– Я не буду тебе ничего говорить по этому поводу. Ты сам для себя должен со всем разобраться. Наблюдай, учись анализировать, обобщать и делать выводы. Тогда тебе станет понятно многое. И, главное, за это ты никому ничего не будешь должен. А у Зиагаарда много врагов.

Сказанное отцом меня сильно удивило. После некоторых раздумий я выразил свою готовность поддержать учителя.

– Зиагаард – гордость нашей школы. Мы все, ученики и учителя, за него горой. Мы уничтожим его врагов. Их злоба бессильна перед ним и его умом. Все, что они предпринимают против него, обернется против них.

Отец только глубоко вздохнул.

– Если бы было так, то многое происходило и складывалось бы по-другому, – закончил наш разговор отец.

На прощанье отец обнял меня, чего не делал никогда, поправил волосы, сбившиеся на моей голове, и сказал:

– Мой меч ждет тебя. Он достанется тебе. Учись, сын, и набирайся сил, они тебе понадобятся.

Пожелав мне быть сильным, отец направился к боевому лерфу, ожидавшему его за территорией школы. Когда лерф исчез в дрожащем воздухе, я понял, что должно произойти что-то непоправимое. Чувство тревоги быстро прошло, и я пошел заниматься обычными делами. Тогда я не знал, что это была последняя моя встреча с отцом.

Школа была государством в государстве и имела свой замкнутый цикл различных производств. Ученики сами обеспечивали себя продуктами. Все, что нам было необходимо из еды, выращивалось здесь же, на прилегающих к школе территориях. Возделывание земли и выращивание различных культур было обязательным для каждого из нас. Хотя мы могли не делать этого сами. Созданные посредством генной инженерии биоты справлялись с земледелием лучше нас.

Биоты – это существа, чьи физические тела похожи на наши, как две капли воды, только ростом они чуть меньше, чем мы. Но учителя в вопросе нашей работы на земле были принципиальны. Если у кого-то из нас не набиралось необходимых часов, проведенных за возделыванием почвы и выращиванием различных культур на школьных участках, в парниках, в садах, то они не допускались к сдаче других дисциплин.

Такое трудовое воспитание укрепляло нас из знания того, что пища, выращенная своими руками, полезнее всего для здоровья. Поскольку в нее закладывается энергия нашего труда, а ценнее этого для нас не было ничего. Такая пища придавала силу, а обладать силой и быть сильными, было для нас превыше всего.

Наше воспитание строилось с детских лет таким образом, чтобы мы с первых шагов становились и были сильными. Сила нужна была для того, чтобы отстаивать свою свободу в условиях постоянного натиска империи. Этому была подчинена вся наша жизнь от первого шага до последнего вздоха. У каждого из нас не было никакой другой обязанности перед самим собой и обществом, кроме как становиться сильным. Сильных уважали. Тех, кто не хотел этому обучаться и не становился сильным, изгоняли из наших территорий.

О силе я подробнее расскажу позже. Сейчас же коснусь нашего календаря. Все обучение велось и строилось согласно сезонам и временам года. К каждому времени года и к проживанию в нем у нас было сформировано свое отношение. Оно основывалось на том, что в условиях Земли каждое время года было предназначено для определенного вида деятельности. Каждый сезон и месяц, каждый день были предназначены для того, чтобы в течение этого времени, в сложившихся условиях максимально развить и наработать в себе то, чему они наиболее благоприятствовали. Начну с весны.

Весну мы называли кейла. Это время роста и восхода силы, время обновления и новизны. Весна несла в себе силу пробуждения, роста и обновления Земли, которая восходила в ней вместе с поднимающимся Солнцем. Оно нарастало и прогревало Землю и ее энергии. С самого начала весны мы постепенно активизировались и интенсифицировали обучение. Если почти всю зиму мы отдыхали, работали в ослабленном режиме, то весной обучение форсировалось с началом занятий на природе. Считалось, что у того, кто упустит начало весны и скомкает старт, весь год пройдет мимо. Весна, как правило, была началом всех дел. Перед ней у нас был праздник Роал, или Новый год. В это время десять – двенадцать дней мы отдыхали и набирались сил. Занятия проводились только в утренние часы.

После Нового года, в начале весны, мы отмечали день силы роста и день Земли. Эти праздники обычно совмещались в один. За ними следовал праздник силовых восходов, когда молодая зелень появлялась сама, без сопровождения ее роста искусственными оболочками. В конце весны, на ее стыке с летом, мы отмечали день нарастающей силы Солнца. За ним наступало лето или илан.

Лето считалось у нас временем набора силы и активных действий в овладении учебными дисциплинами. Мы наращивали обороты в учебе, закрепляли и оттачивали навыки, развивали то, чему обучались весной. Все полученное нами осваивалось, осмыслялось и доводилось до совершенства в овладении. К осени мы должны были созреть и показать, чему мы научились с начала года, поэтому мы активно обучались, делая небольшие перерывы. Занятия проходили с раннего утра до полудня и ближе к вечеру. Днем мы отдыхали в тени деревьев.

Осень, или элат, была порой, закрепляющей все то, задел чему был положен весной, развит и продолжен летом. Мы все больше оттачивали и шлифовали навыки в овладении предметами и утверждались в этом, приходя ко всё большей устойчивости и силе в них, выводя овладение на новый качественный уровень и закрепляя наработанное. У нас считалось, что без устойчивого навыка в овладении чем-либо нет и не может быть мастерства. Осень ко всему прочему была еще порой обретения устойчивого навыка в овладении силой. Самым большим праздником этого времени года был день сбора урожая, проходивший в начале осени. В конце

осени, перед самыми холодами, когда еще было тепло, мы отмечали день утверждения в своей силе, соревнуясь в силе и ловкости. Осенью большинство пар создавали семью.

Зима называлась у нас ата. На протяжении зимних месяцев мы в основном были заняты анализом прожитого за год. Это было время осмысления и подготовки к новому годовому циклу. Больше всего внимания мы уделяли наработке способности видеть свои ошибки, прямые и косвенные, явные и скрытые, просчеты, недочеты, а также их причины. Развивали умение делать правильные, обоснованные выводы, нарабатывали то, что позволит нам не допустить подобных просчетов в следующем году. В это время шла подготовительная работа для того, чтобы успешно, без задержек, встретить новый год и весну, не скомкать ее начало, заложить нужную базу для успешного старта новых начинаний.

Главным праздником этой поры был гелан – праздник становления силы. Считалось, что к этому времени сила, накопленная нами за год, начинает обретать новое качество в результате правильного видения, осмысления прожитого нами и себя в нем. Проще говоря, это был праздник взросления и становления, ведь именно в зимние месяцы закладывалась необходимая база для того, чтобы успешно стартовать весной.

Таким годовым циклом жили мы, придерживаясь его неизменно, сколько я помню себя. Каждый год был индивидуален и неповторим. Он приносил новые дары для нас и возможность осуществить определенные наработки, овладеть новыми навыками и умениями, обрести бесценный опыт проживания на Земле. Все это складывалось в общую копилку духа и сохранялось там.

Наши занятия проходили на свежем воздухе от начала весны до поздней осени. Лишь на зиму мы переходили в аудитории и залы. Школа была накрыта силовым защитным куполом. Климат на всей ее территории регулировали климатические установки, обеспечивающие нужные температурный и влажностный режимы для всего комплекса зданий и прилегающих к ним территорий.

С годами я втянулся в школьную жизнь. Ее распорядок стал для меня естественным и привычным. Школа стала для меня почти что родным домом. Мне уже не хотелось домой так, как раньше. Даже мысли об отце не вызвали у меня прежних эмоций и беспокойства. Годы шли, я обучался и взрослел, мало обращая внимания на то, что происходит за территорией школы. Происходящее вне стен школы я считал чем-то далеким и не имеющим ко мне никакого отношения. Мы редко смотрели кадры с полей сражений. Война казалась мне не настоящей и далекой, происходящей в другом измерении. Лишь пальцы рук, крепко сжимающие рукояти мечей наших учителей и их сжатые челюсти во время просмотра картины сражений, заставляли меня задуматься о том, что война где-то рядом и происходящее реально. Здесь же, за многослойными защитами и за силовыми стенами школы, было спокойно и безопасно.

Война напомнила мне о себе самым неожиданным образом. Я стал хуже спать и иногда вспоминал в ночных метаниях отца. У меня складывалось такое впечатление, что он звал меня. Я уже, было, собрался поговорить о происходящем с Миором, но он опередил меня и вызвал к себе.

Застал я Миора сидящим в удобном кресле и задумчиво смотревшим что-то на экране. При моем появлении изображение исчезло. Миор обернулся ко мне. В его внимательном взгляде я почувствовал доброту к себе и присутствие скрытой печали.

– Будь сильным, – с порога приветствовал я учителя.

– Тэр.

Миор был не в духе, если не отвечал точно так же. «Что-то случилось», – подумалось мне. Чувство невозвратимой утраты внезапно нахлынуло на меня. Я чуть не заплакал. «Неужели отец погиб?» – пронеслось у меня в голове. Я продолжал смотреть на Миора, не произнося ни слова. Учитель подошел ко мне и обнял меня. Эмоции переполняли меня, но я старался удержаться. Воину и мужчине не подобает лить слезы.

– Не зажимай себя, Эд, – как из тумана донесся голос Миора. – Не сдерживайся, не дави в себе эмоции. Сегодня тебе можно.

Мое тело сотрясли рыдания. Прошло несколько минут, прежде чем я успокоился и посмотрел на Миора.

– Твоего отца больше нет с нами, – тихим, спокойным голосом произнес он.

В голосе Миора читалась усталость и горечь утраты.

– Совет и наши службы позаботятся об Эгране, о духе и душе, воплощением которых он являлся, отправив их в граальг. Там тонкие тела восстановятся и будут готовиться к новым воплощениям, если повреждения не будут критичными для возможности нести тяжесть физического тела.

– А если уровень повреждений будет критичным? – еле выдавил я из себя.

– Тогда будем ждать лучших времен, когда у нас будут энергии, чтобы восстановить дух и тонкие тела твоего отца и еще сотен тысяч свободнорожденных. Все они пока не могут воплотиться после повреждений, причиненных им магической деятельностью и магами.

– А когда наступят эти времена?

Миор невесело усмехнулся.

– На этот вопрос у меня нет ответа. Может быть, кто-то из вас, обучающихся в нашей школе, сможет пробить магические щиты и выйти на них. Пока это никому не удавалось.

– Как погиб отец? Я хочу последний раз посмотреть на его физическое тело. Это можно организовать?

– Лучше тебе этого не видеть.

Миор отошел от меня и начал прохаживаться по кабинету. Остановившись, он, не глядя на меня, произнес:

– Прямое попадание силовой плазменной молнии в то место, где находился он с несколькими воинами. Это мгновенная смерть. Не помогли ни доспехи, ни силовая защита. В радиусе трехсот сэтий испарился воздух, верхний слой почвы превратился в труху, а температура в эпицентре попадания была около двух тысяч градусов. Остался только покореженный шлем. По результатам генетической экспертизы остатки физического тела собрали в шлем, а потом расплыли. Ты сможешь поговорить с отцом, с его личностью, когда дух, тонкие тела погибших воинов будут отправлять в граальг. Тогда по распоряжению Совета применят силу, что сделает тонкие тела и оболочки видимыми на несколько минут для прощания с родственниками.

– Я знаю, – с трудом проговорил я.

Миор остановился и посмотрел на меня.

– Будь сильным. Не расстраивайся. Это уже произошло, но главное, что дух и душа его не достались магам. Наши воины успели их забрать с собой.

– Я стану воином и жестоко отомщу за смерть отца, – собрав всю свою силу, пообещал я.

– Мечь – чувство недостойное свободнорожденного. Она делает его слабым и ведет к самоуничтожению. Мечь – прямая работа на магов, которые этого больше всего от нас ожидают и добиваются.

Я молчал.

– Учись, тебе еще не раз придется сталкиваться с подобным. Ты неустойчив, а психика твоя слаба. Все, что ты можешь сделать, это более настойчиво и сознательно обучаться. Такое отношение к обучению даст результаты со временем, так как сразу ничего не происходит. Твои успехи в приобретении умений, навыков и способностей и будут достойным ответом магам.

Я окончательно успокоился. Неожиданно у меня созрел вопрос.

– Для того чтобы так точно попасть в то место, где находился отец с воинами, надо знать его координаты. Ведь так, Миор?

– Я ожидал этого вопроса. Да, надо знать. По всей видимости, была дана соответствующая наводка, поскольку вероятность случайного попадания очень низкая. Кто-то информирует конфедератов о наших действиях на самом высоком уровне. Кто предатель – не ясно.

Миор зашагал по кабинету еще быстрее, потом остановился возле прозрачной стены и посмотрел в сад. Его руки легли на силовой пояс и на рукоять меча. Миор некоторое время о чем-то размышлял. Обернувшись ко мне, он произнес:

– В данном случае предательство недоказуемо. Пока недоказуемо. А это хуже всего. Я хотел бы быть уверенным, что произошедшее с твоим отцом – случайность, но я длительное время участвовал в войнах, чтобы не питать иллюзий на счет случившегося. Я говорил об этом с Зиагаардом. Он точно такого же мнения о случившемся, но пока выявить и обезвредить предателей мы не можем. Надо выжидать, собирать доказательства измены.

Миор подошел к столу, выдвинул ящик, достал из него диск и протянул его мне.

– Это тебе от отца. Его последнее слово. Твой отец передал диск мне на случай, если что-то с ним произойдет.

– Выходит, что он знал о своем уходе? – беря из рук Миора прохладный овальный диск, спросил я.

– Знал, но это знание ему не помогло.

– Почему же он ничего не сказал мне?

Миор не ответил и перевел разговор на другую тему.

– Твоя мать извещена о смерти отца. Я говорил с ней. Тэя – сильная женщина и знала, что так будет. На этом жизнь не заканчивается. Надо жить дальше. Ей тяжело. Ты можешь помочь матери своей силой и уверенностью. Отпускаю тебя на три дня домой. Праздник по случаю проводов ушедших воинов в граальг состоится примерно через месяц.

– Миор, какой же праздник, если война продолжается?

– Ты еще ничего не знаешь. В эти минуты наши силы отбрасывают конфедератов обратно на позиции, с которых они начали наступление.

– Но почему ты не радостен, Миор?!

– Радоваться нечему. Происходящее напоминает мне игру в прятки, цена которой – десятки тысяч жизней свободнорожденных.

– Ты хочешь сказать, что это подстроено? Неужели такое возможно?

– Возможно все. Я уже говорил, что слишком искушен в хитростях конфедератов и знаю, что стоит за подобными событиями. То, что произошло, – иллюзия победы. Проверенные кадры отстранены от командования, а нынешние командиры во многом играют на руку конфедератам и верховному правителю Атласа. Элтов, которые сомневаются в правильности действий высшего командования «случайно» подстерегает такой конец, как у твоего отца. Это ты должен знать, как сын воина. Сказанное мной не подлежит передаче кому-либо. Везде есть свои глаза и уши. Ты понял?

– Тэр. У нас тоже?

– Не исключено. Тебе необходимо жить, не отвергая такую возможность. Это твоя первая проверка на молчание. После проводов погибших воинов ты получишь отпуск на десять дней, которые сможешь провести дома с матерью. Если захочешь, можешь ночевать в школе. Решение за тобой. Дом твоей семьи оставят за матерью. Совет выделит ей все, что необходимо. Будь сильным, Эдвин. Если что нужно, обращайся ко мне.

В подтверждение слов Миора через несколько часов в новостях передали весть о нашей победе, а на экранах высветились победные картины. Наши войска наступали, возвращая утраченные позиции. Они зашли даже дальше, чем ранее проходил фронт. Победа выглядела на экранах убедительной и полной. Вместе с тем лица наших учителей и наставников были слишком спокойными. На них не было видно радости, обычно сопутствующей такому событию. Что-

то не настоящее было в происходящем. Ученики же радовались изо всех сил. Обязательные занятия были отменены. Следующий день был выходным для всех свободнорожденных.

Не радовала эта победа и меня. К горечи потери отца она добавила обиду и сожаление о том, что война забрала его у нас в канун мирных дней. Значение этой победы я понял гораздо позже, когда в силу сложившихся обстоятельств стал непосредственным участником последующих событий.

Глава 4

Проводы воинов

Отец и мать каждому из нас дают жизнь, являясь нашим истоком на физическом плане. Мы – плод их совместных усилий. Они своим трудом, старанием и заботой создают базу для нашего становления и развития, дают толчок к развитию силы в нас.

Отец закладывает в нас мужское, свое отношение к силе и прививает дух воина, побуждая к развитию мужества.

Мать закладывает в нас женское: теплоту и любовь своего сердца, его силу, одаривая нас способностью сглаживать угловатости.

Только когда у нас мужское и женское пребывает в равновесии, мы можем, при должной огранке и обучении достичь небывалых результатов своим постоянным, настойчивым, сознательным трудом. Наиболее подходящего места для этого, чем школа – не найти.

Зиагаард. Мудрость элтов

После разговора с Миором все перепуталось в моей голове, я не слышал слов друзей, их радостных возгласов. К горлу то и дело подкатывал комок, иногда хотелось забыться, но я знал: те, кто хотят стать воинами – не плачут. В моем нагрудном кармане лежал диск отца. Послание, записанное на нем, было самым важным для меня сейчас. Воспользовавшись тем, что нас отпустили с занятий, я взял ноукл и отправился в самое отдаленное место школьного парка. Я чувствовал, что мне необходимо побыть одному наедине со своими мыслями, чтобы никто мне не мешал еще раз услышать голос отца и увидеть его изображение.

В глубине парка было прохладно и пустынно. Выбрав подходящее место, я присел и вставил диск в ноукл. На экране появилось знакомое лицо. Отец улыбался мне. Из-под густых бровей на меня смотрели его пронизательные глаза, а сильный голос приветствовал меня.

«Сын, – услышал я, – если ты смотришь запись на диске, который передал тебе Миор, значит, меня уже нет в живых. Я знаю свою судьбу: если я не уйду из части или не поддамся на провокацию, не стану более сговорчивым и уступчивым для некоторых лиц, то меня ждет скорая смерть. Я не боюсь смерти. За годы, проведенные в сражениях, я не раз смотрел ей в лицо, и всякий раз она отступала. Сейчас дело обстоит по-другому. Среди членов Совета, созревает предательство. Я вижу это, но у меня нет доказательств, слишком умно и последовательно, скрыто и коварно ведется работа. У предателей самые высокие покровители как на нашей стороне, так и на стороне сил атлантической конфедерации.

После совещания командиров подразделений Суат – представитель главы Совета, в частной беседе со мной намекнул на некоторые опасности в службе и захотел личных гарантий моего подчинения главе Совета и ему, как его представителю. Попросту он хотел, чтобы я, Эгран, скрытно стал докладывать ему обстановку и доносить на боевых побратимов. Этого наглеца я проучил языком силы. Я объяснил ему общеизвестные вещи. Побитый, он отступил и затаил обиду, а я нажил себе еще одного врага. Суат слишком слаб, чтобы разобраться со мной в поединке, но по обычаю магов, скорее всего, ударит мне в спину и в самый неожиданный момент. Так что мне нужно быть очень внимательным и бдительным. Это увеличит шансы моего выживания.

Я хотел записать разговор с Суатом, но техника подвела. Записей нет ни на мне, ни в моей памяти, как будто разговора и не было. Значит, маги нашли средство, как скрывать свои действия. Я поговорил с командиром нашей бригады, ему предлагали то же самое. Он отказался и со дня на день ждет приказа об отстранении от должности. Я не буду утомлять тебя

длинным рассказом. Всего не перескажешь. Надо быть на позициях, чтобы увидеть и понять, что происходит.

Сын, у тебя сейчас другая забота. Учись, крепчай и становись сильнее, овладевай навыками и внимательно наблюдай за всем, слушай и запоминай, что говорят тебе наставники. Они – настоящие элты, прошедшие многое и видевшие на своем веку больше, чем я. В них нет предательства. Я нюхом чую, где и в ком оно зарождается. Я не зря определил тебя именно к Зигааарду. Он должен во многом помочь тебе и направить тебя. Остальное будет зависеть только от твоих сознательных усилий. Стань тем, кем тебе нужно стать – сильным мужчиной. Наш род нуждается в продолжении. Все твои деды и прадеды были воинами и сильными духом элтами. Я все чаще вспоминаю отца и деда, вижу их глаза и тебя как наше продолжение и нашу надежду. Мне есть, за что сражаться и умереть свободным элтом и воином. Я видел свою жизнь и знаю, как она закончится. Миор предлагал мне место помощника в школе. Если я выживу, может быть, впоследствии и соглашусь, но прежде всего я – воин и никогда не хотел себе иного пути.

Теперь мать – твоя забота. Помоги ей и поддержи в трудные для нее минуты. Мать сильная женщина и справится с собой. Она найдет себе другого мужчину. Может быть, с ним у нее сложится лучше, чем со мной. Я искренне хотел бы, чтобы так вышло.

Запомни одно, сын: лучше жить недолго, но свободным элтом, не пошедшим на сделку со своей совестью, чем предателем себя и своих интересов, подставляющим окружающих. Хуже этого нет не только для воина, но и для имени свободнорожденного. Я не смог бы вынести такого позора, смотреть тебе в глаза, поправлять твои волосы и знать внутри, что я предал себя, тебя и мою семью. Для меня подобная жизнь равносильна смерти при жизни. Я кто угодно, но не предатель. Живи, сын, так, чтобы тебе не было больно посмотреть в глаза себе самому на склоне дней, когда ты будешь просматривать свою жизнь. Помни, элты сильны тем, что свободны духом. Мы ни прихлебатели, ни подхалимы и не пыль в ногах магов и атлантов. Будь сильным, сын. У тебя впереди вся жизнь».

Голос отца умолк, а изображение исчезло. Я, сидя на опавшей листве деревьев, размышлял о сказанном мне, судорожно сжимая в руках ноукл. Это продолжалось недолго. Совсем рядом я услышал знакомые голоса, а вслед за ними на поляну, на краю которой я находился, вышли трое моих сверстников. Впереди шел Эрн, а за ним Шилаат и Акаиса.

– Ты был прав, Эрн, – донеслось до меня. – Эд здесь, чутье не подводит тебя.

Эрн остановился, заметив меня, и сделал друзьям знак рукой. Разговоры стихли.

– Ты не хочешь, чтобы мы нарушали твое одиночество? – голос Эрна был тих и спокоен.

Он лучше всех знал меня и почувствовал мое состояние.

– Если так, то мы уйдем и оставим тебя размышлять.

Среди учеников школы было принято не беспокоить кого-либо, если он хотел поразмыслить и побыть наедине. Это было правом каждого и соблюдалось всеми.

«Так даже лучше, что они пришли», – подумалось мне.

Боль утраты постепенно проходила, эмоции улеглись, комок в горле перестал жать. Сидеть здесь дальше одному мне не хотелось.

– Как вы меня нашли? – вместо ответа спросил я.

– Эрн у нас специалист по розыску. Хотя ты и забрел в такую глушь, что здесь даже тропинок нет, – донесся до меня звонкий голос Акаисы. – Что случилось? Почему ты убежал, ничего не сказав нам?

– Не трогай его, Акая, ему сейчас не до ответов на вопросы, – вмешался Эрн. – Ты пойдешь с нами на озеро искупаться или останешься здесь?

– Пойду.

– У тебя, Эрн, прирожденный дар убеждать кого-либо в чем-либо. Только что Эдвин остался бы наедине с собой, а теперь он пойдет с нами, – с некоторым удивлением заметил Шилаат.

– Надо было взять Шииту, – пошутила Акаиса, – она нравится Эду. У него бы при виде ее потеплело на душе, и он отошел бы от тяжелых дум. У тебя эзрай? (состояние, когда тяжело на душе в связи с каким-то событием).

– Тэр. Погиб на войне отец.

Скрывать эту новость не имело смысла. Все равно ее узнали бы уже завтра.

– Ты точно хочешь пойти с нами? Сделай знак, и мы оставим тебя одного, если тебе надо подумать.

– Я все решил. Иду вместе с вами.

Я поднялся, встряхнулся, и мы все вместе пошли на озеро. По дороге мои товарищи молчали, только изредка перебрасывались парой слов между собой. Друзья помогали мне пережить потерю отца, не задевали меня и не приставали ко мне. Не принято было лезть друг другу в душу, сочувствовать, входить в положение. Это считалось ненормальным. Поддержка была в другом: в той силе и в том спокойствии, которое хранили друзья, в осознании ими того, что мне нужно справиться с собой и проявить в этом мужество и силу, а не раскиснуть и сдаться. Сверстники спрашивали только самое необходимое, не смеялись и не развлекались, чтобы не оскорбить мои чувства.

Нет необходимости дальше описывать нашу прогулку на озеро и то, как завершился этот день. Со временем ко мне постепенно начало приходить осознание того, что теперь мне предстояло жить без поддержки отца, справиться с внутренними вскрытиями, произошедшими в связи с его гибелью. Я также был уверен в том, что друзья, наставники и учителя всячески поддержат и помогут мне, в чем необходимо и как необходимо.

Считаю нужным заметить, что я излагаю в своих записках только самое важное и характерное для понимания того, чем мы жили, чтобы не было неясностей в моем повествовании. По этой причине я привожу разговор Миора с Зиагаардом. Он проливает свет на обстановку, в которой жила наша страна.

Зиагаард, естественно, знал обо всей той закулисной возне, которая велась на наших землях, в отличие от меня, еще юного элта. Тогда я не мог видеть всей сложности обстановки, переплетений жизненных нитей, магической работы, проводящейся каждую минуту против всех нас, ходов магов и контрходов элтов.

Позже мне рассказал Миор, что по окончании нашего с ним разговора, когда он собрался заняться текущими делами, на его мыслеобруч пришло мысленное сообщение от Зиагаарда.

«Миор, подойди ко мне на пару минут. Надо поговорить. Я у себя в кабинете».

«Сейчас буду».

Кабинет Зиагаарда, большой, светлый и просторный, накрытый куполом, находился на самой верхушке школьной башни. К нему можно было подняться на лифте или взойти по ступеням. Миор выбрал второе и через три минуты был уже возле кабинета.

«Входи», – прозвучала у него в голове мысль Зиагаарда.

Стенка раздвинулась, и Миор вошел внутрь помещения.

– Будь сильным!

– И ты не слабей, – в шутку ответил Зиагаард. – Как Эдвин воспринял новость?

– Ты же видел.

– Меня интересует твое наблюдение и твои выводы.

– Он справится с собой, надлома и травмы не будет, – подумав, заключил Миор.

– Наши выводы совпали. Уделяй Эдвину внимание, оно сейчас ему нужно больше, чем остальным. За ним и такими, как он, будущее наших земель. Только делай это правильно.

С матерью Эдвина говорил? Семья его в чем-то нуждается? Определись, что нужно. Школа поможет всем необходимым.

– Тэя говорила, что Совет окажет помощь.

– Меня не волнует Совет, и тебя тоже не должен волновать. Мы окажем Тэе нужную помощь, а Совет сделает то, что посчитает необходимым. Сейчас Тэе нужна поддержка. Я поговорю с Зией и Алчитой, они побеседуют с ней. Женщина всегда лучше поймет женщину. Подумай, как это сделать не навязчиво и естественно.

«Тэр», – мысленно ответил Миор.

Зиагаард сделал паузу и посмотрел на Миора.

– Раньше я думал, что самое трудное было на войне.

– Когда ты был командующим, дела у нас шли гораздо лучше, а небо над Эльклеей не было таким темным и грозным, как сейчас. Ты мог бы вмешаться в ситуацию. Возможно, с отцом Эдвина такого не произошло бы. Тогда в твоих руках было управление фронтом и всеми силами свободнорожденных. Может, ты зря сменил командование фронтом на преподавание в школе?

– Ты меня в чем-то упрекаешь?

– Нет, Зиагаард. Мне обидно. Уходят самые стойкие и лучшие воины, не покоренные и не ставшие на путь предательства. Остаются жить безвольные и приспособляющиеся элты. Мы ничего не можем сделать, поскольку у нас нет рычагов влияния на ситуацию. Глава Совета свободнорожденных потихоньку прибирает к рукам власть, расставляет на местах преданных ему элтов, заменяя ими проверенных командиров, задабривает и переманивает на свою сторону членов Совета, а мы ничего не делаем. Мы теряем время. Надо действовать.

– Как ты хочешь действовать? Пойти объявить его предателем? Где доказательства? Он победитель. Активная фаза военных действий закончена, война далеко за границами Тулплеи протекает в ослабленном режиме. Больше половины наших воинов вернулись домой победителями и живыми, а это – главное. Ты понимаешь, какой козырь в его руках?

– И ты, и я знаем, что это подстроено с тем, чтобы захватить власть на наших землях в свои руки и подвести их под руку ачитла (верховного правителя).

– Да, знаем. Что ты предлагаешь? Собрать учителей, раздать им тяжелые плазмометы из наших арсеналов, вооружить старшие группы, сесть на лерфы и боевые скутера, напасть на Совет и взять под стражу его главу? Устроить кровавую резню в Буатаале? Верховный правитель, его свита и маги подобного хода событий и добиваются. Вот они порадуются. Свершится их мечта: мы начнем воевать друг против друга. Тебе мало примеров кровной мести и вражды на пограничных территориях между элтами?

– Я не это имел в виду. Скажи нам, что делать? Так не может дальше продолжаться.

– Думать Миор, думать. Или ты считаешь, что я один такой умный. Что ты предлагаешь? Как бы ты поступил?

– Надо поговорить с командирами. У меня и Киитла, у других учителей есть связи. Мы же вышли из той среды. Нужно установить наблюдение и собирать доказательства измены, а также готовить надежных элтов, чтобы в случае необходимости сразу вмешаться в ситуацию.

– Надо действовать гибче. Время пока есть. Собирай сведения. Они нам пригодятся. С командирами поговори, только так, как нужно. Скорее всего, все они на прослушивании, а за их действиями скрыто следят.

– Ты думаешь, что зараза предательства пробралась и на передовую?

– Я уверен в этом. По-другому не может и быть.

– Наши дела такие, Зиагаард, что необходимо срочно собирать Совет широкого круга выборных во всей Эльклее.

– Ты паникуешь, Миор. Кому, как не тебе, знать, что Оадр (Глава Совета) и его помощники хотят выявить недовольных, и делают все для этого. Ты и глазом не успеешь моргнуть,

как тебя скрутят и возьмут под стражу. Глава Совета – пешка в замыслах магов, но их замысел через него реализуется грамотно и четко. Пусть Оадр и свита пока думают, что никто ни о чем не догадывается. Мы будем вести свою игру и проводить свою линию. Только так можно что-то сделать в складывающейся ситуации.

– Как бы мы не опоздали.

– Ни у тебя, ни у меня нет никаких гарантий чему-либо, их и не может быть. Свободнорожденные еще не так разложены внутри, как хотелось бы магам. Дух свободы еще жив, хотя деградационные процессы набирают силу. Мироззрение – вот что есть основа нашей жизни и жизнедеятельности. Все зависит от того, кем мы себя видим и как поступаем. Видим мы себя свободными и сильными и поступаем так – значит, мы еще живы, а дух свободы не умер. Если этого нет, то мы умираем и сдаем свои позиции. Тогда наша независимость только ширма, а на самом деле внутри нас уже поселились безволие и рабство. Вот и вся правда. А ты спрашиваешь, почему я ушел с поста командующего фронтом. Теперь здесь, в школе, пролегает наш основной фронт. Тут мы растим наше будущее. Война только забирает у нас лучших и наши силы. Поэтому мы, ты и я, здесь.

Зиагаард замолчал. Его глаза внимательно смотрели на Миора, в них читалась сила и ясность мысли.

– Я услышал тебя, Зиагаард.

– Проверь сам себя и всех. Зараза предательства не должна войти в нашу школу, иначе Оадр, его свита, и его покровители будут знать о наших замыслах. Допустим проникновение предательства в наши ряды – считай, что наша смерть не за горами.

Последующие дни и месяцы прошли в учебе. Приближался день проводов погибших воинов. Мысли о том, что я еще раз смогу поговорить с отцом, радовали меня. Я готовился к встрече с ним и с теми, о ком отец говорил в послании.

День проводов погибших воинов выдался тихим и светлым. Солнце, взойдя над верхушками гор, начало свое победное шествие по небосклону. Я встал засветло, успел размяться и выпить чашку пахучего зерлоя, прежде чем подошло время идти на церемонию. От нашей школы на проводы направлялся весь учительский состав, все старшие группы и все желающие. Сразу после проводов должен был состояться праздничный обед, а затем – соревнования в силе и ловкости.

У элтов было чему радоваться, ведь дух и души наших воинов попадут в граальг – в то место, где о них позаботятся, и они смогут в безопасности и вне досягаемости магов ждать следующих воплощений, готовясь к ним. Граальг – это общий дом, расположенный в верхних слоях Земли, в котором души и дух, тонкие тела элтов снова собирались вместе. Оттуда они иногда связывались со свободнорожденными, живущими внизу, давали советы, предупреждали их об опасности или говорили, что им нужно. Это было самое большое богатство и основная ценность нашего народа. Маги постоянно пытались разыскать граальги, охотились за духом и душами, так как они были их самым ценным питанием. Поэтому церемония перехода духа и тонких тел погибших воинов в граальг проводилась под защитой силовых полей и башен, чтобы у магов не было возможности вмешаться в этот процесс, отбить и захватить дух и тонкие тела.

Смерть физического тела не была для нас концом всего, поскольку дух есть основа многочисленных личностей, которые возникают на его базе при происходящих одно за другим воплощениях. Так было в прошлых цивилизациях, так есть у нас и так будет во всех последующих цивилизациях. Такой порядок будет соблюдаться до тех пор, пока дух и его тонкие тела не уничтожатся силами инволюции или не получат такие повреждения, при которых дух не сможет, воплотившись, нести тяжесть физического тела.

Магическая работа темными и тяжелыми энергиями постепенно уничтожает и разлагает дух и все божественное, из него исходящее. Дух становится все слабее и податливее. Так гово-

рили знающие элты – одлы. Смертью и небытием считалось уничтожение духа, как той базы, на которой строилось и образовывалось все. При этом физическое тело могло существовать, а дух мог быть давно съеден и уничтожен, так как энергиями его распада питались маги. Таких существ мы называли мертвыми при жизни, или ишлами. Долгая жизнь и последующая смерть физического тела при условии, что дух и душа умершего отправлялись в граальг, считались удачным воплощением для духа. Этому радовались все элты, ведь дух погибшего воина не разлагался и сохранял высокие шансы воплощаться далее.

Физические тела погибших распылялись специальным излучателем или сжигались, после чего пепел рассеивался по Земле. Считалось, Земля не приспособлена для того, чтобы физические тела элтов хоронить в нее. Для нас это было варварством. Так поступали тэвлы – дикие прямоходящие существа, обитающие к северу на окраинах наших земель за границей цивилизационного пояса. О тэвлах я расскажу позже.

С первой партией всех желающих, вместе с сопровождающими нас наставниками мы сели в школьные скутера и лерфы и отправились на окраину Буатаалы. Там, на большой крытой арене, расположенной среди холмов, и должна была состояться церемония проводов погибших воинов. Здесь находился комплекс сооружений и площадей, вынесенный за черту города, для проведения различных мероприятий. Арена была органично вписана в окружающую среду, накрыта легким ажурным куполом, тяжесть которого несли стройные, взметнувшиеся вверх мачты опор, по периметру обходившие сооружение. Свободнорожденные со всей страны прибывали сюда, чтобы в последний раз увидеть лица своих родных, обменяться мыслями, побеседовать со знакомыми, принять участие в последующих празднованиях и, главное, выразить уважение воинам, отдавшим свои жизни за чистое небо над головой.

Лерфы и скутера приземлились возле арены, и мы дружной компанией учеников и учителей направились внутрь. Мы прошли через входную арку и оказались на ровной площади, со всех сторон окруженной поднимающимися вверх на склоны холмов трибунами. На трибунах слышался гомон свободнорожденных, играла тихая мелодичная музыка. Я отошел в сторону и начал искать глазами свою семью. Неожиданно на мысльобруч мне пришло сообщение от матери, а потом и от старшего брата: «Эдвин, иди к нам, пройди к противоположной трибуне и поднимайся наверх». Я поднялся и сел возле старшего брата. Родные мысленно приветствовали меня. Полуулыбки на лицах брата и матери говорили о том, что они рады меня видеть.

Мать немного похудела. Черты ее лица стали строже, оно потеряло привычную мягкость и округлость. Голос Тэи слегка дрожал, а глаза заволокло дымкой печали. Она была тиха и задумчива. Смерть мужа стала для матери тяжелой утратой. Несмотря на то, что они прожили вместе не так долго, почти сорок лет, и то, что отца месяцами не было дома, он слишком много для нее значил. Трудно сказать, что мать чувствовала сейчас, поскольку она никому не говорила о своих чувствах к отцу и берегла их. Только иногда можно было заметить теплоту в ее взглядах, бросаемых на него.

Мы не успели поговорить, как по рядам прошло оживление, громко зазвучала музыка. На арену через входную арку в полном вооружении, во всем блеске своей силы вышли воины элитных воинских частей. Лучшие из лучших. Над ними в воздухе висели силовые сферы, внутри которых высвечивалась голограмма нашей гвардии. За воинами на центр арены вышли ведущие члены Совета, командиры основных подразделений, вся наша управленческая элита и Глава Совета. Все элты были в праздничных одеждах, со значками отличий, с атрибутами власти и силы. Воины тройным кольцом окружили председателя Совета и присутствующих с ним свободнорожденных. Музыка, сопровождавшая их приход, усилилась, а потом стихла. Наступила тишина, которую нарушил голос председателя Совета, усиленный естественной акустикой арены и силовым сопровождением.

– Будьте сильными, элты. Мы одержали победу в трудной военной кампании. Силы конфедерации отброшены далеко за пределы наших земель. Над Эльклеей восходит солнце мира.

Пришло время позаботиться о наших воинах, которые пали в сражениях и своими жизнями обеспечили нам нынешнее мирное существование, воздать последние почести и выразить им наше уважение. Их дух и души ждут этого. Через десять минут мы начнем церемонию проводов.

Закончив вступительное слово, председатель Совета отдал распоряжения воинам и кому-то из членов Совета. Некоторые из них вышли за круг, а остальные выстроились в треугольник, в вершине которого стал председатель Совета. Его лицо было обращено на силовую башню Каарн, расположенную на одном из близлежащих холмов. На господствующих над ареной высотах стояли силовые башни, готовые к церемонии. Их купольные верхушки осветились голубоватыми энергиями, энергетические зонтики раскрылись над каждой из башен. Элты, сидящие на трибунах, почувствовали вибрацию и силу, исходящие из них. Внезапно произошел хлопок, и от верха каждой башни отделился белого цвета энергетический шар. Он переливался в воздухе и поднимался вверх. Вслед за этим небо озарила вспышка энергий, и все шары соединились между собой единым силовым кольцом, опирающимся на купола башен. Тихое гудение сопровождало этот процесс. Установилась силовая защита церемонии. Можно было начинать, но Оадр не спешил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.